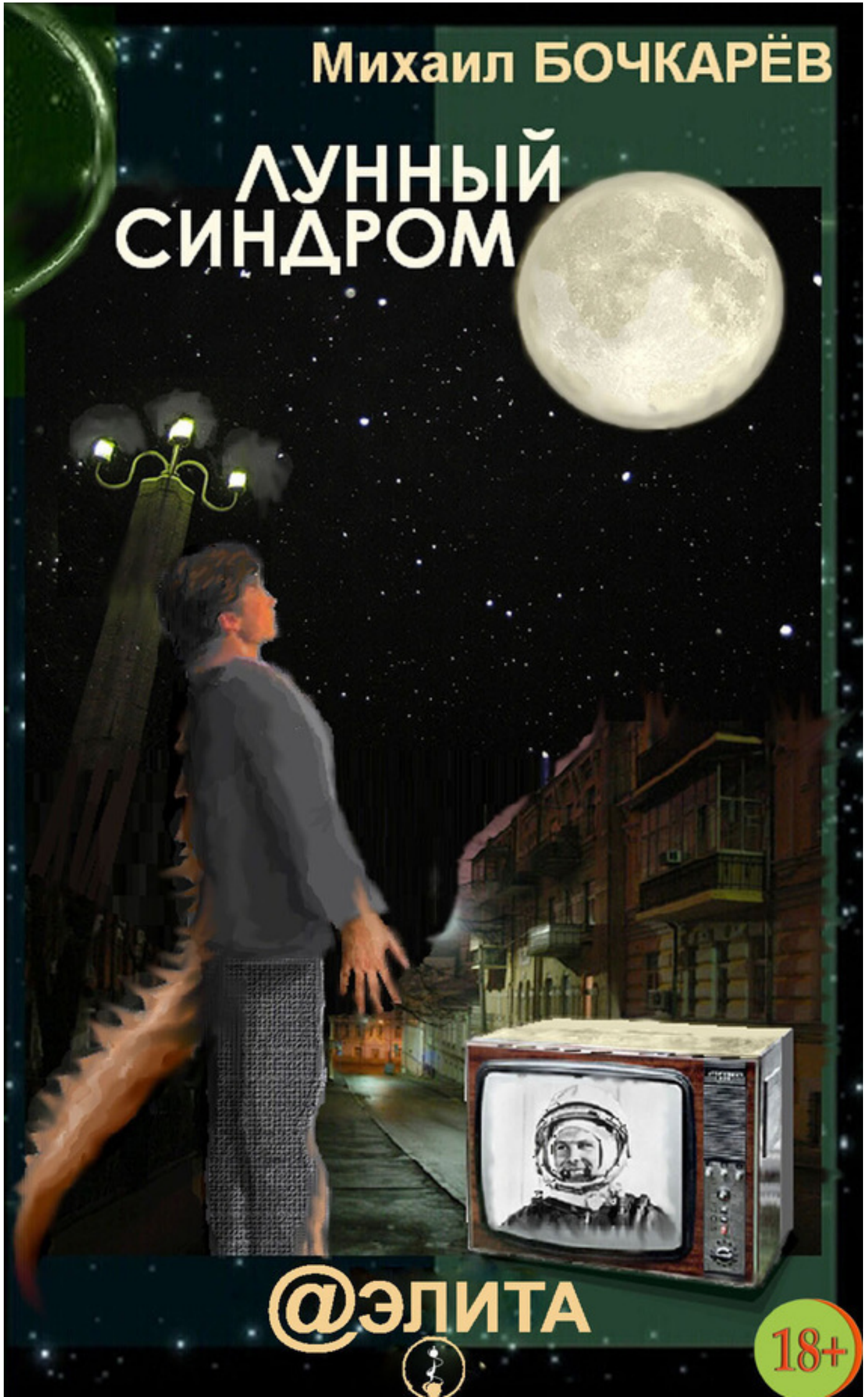

Михаил БОЧКАРЁВ

ЛУННЫЙ СИНДРОМ

@ЭЛИТА

18+

Михаил Бочкарёв

Лунный синдром (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Бочкарёв М.

Лунный синдром (сборник) / М. Бочкарёв — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Миры в рассказах Михаила Бочкарёва, собранных в сборнике «Лунный синдром», порой абсурдны и фантастичны. Здесь всё не так. В городе Н-ске у всех горожан вырастают хвосты, под летними лавочками находятся бездонные кошельки, несущие несметные богатства. Простые медработники открывают способ манипулировать сознанием людей, а луна оказывается всего лишь иллюзорным искусственным спутником, вымышленным заодно со всем остальным миром сумасшедшим существом, которому кажется что сам он – человек... Эти рассказы погружают читателя в миры, рассматриваемые, словно сквозь стёкла хитроумного прибора, дающего ощущение полной свободы. Кажется, что здесь возможно невозможное – стоит только правильно настроить резкость и войти в этот удивительный мир...

© Бочкарёв М., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Чайный гриб	6
Брахмапудра	19
Лунный синдром	26
Деньги-денежки	30
Свободное время	38
Мошенники или Три сумасшедших дня из жизни одного инвестора	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Бочкарёв

Лунный синдром

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Чайный гриб

Гиндесбург Фурзякин открыл дверь своей квартиры и увидел в прихожей жену. Жена мыла пол, выгнувшись дугой. Внушительных размеров таз был наполнен мутной и грязной водой, в которой плавала шелуха от семечек, скомканные комочки кошачьей шерсти и фантики от конфет. Фурзякин брезгливо наморщился.

– Чего нос воротишь, пистон пробитый? – сказала она, с силой кинув тряпку на пол.

– Запах какой-то странный, – оправдался он.

На самом деле он испытывал отвращение не к запаху. Вид жены был тому виной. Жена убивала двух зайцев разом: делала уборку в квартире и сохраняла молодость лица, измазав его сметаной, поверх которой налепила круги огурца. Она напоминала печёную под овощами молочную свинью, поданную в прошлом году к столу в ресторане «Зульфия» на пятидесятилетие Гиндесбурга.

– Ишь, ты! Запах ему негодит! Сымай калоши и копыта мой! – заявила жена, сверкнув из-под сметаны огнём блёклых очей.

Фурзякин немедленно повиновался. Нырнув за дверь ванной комнаты, он поспешно стянул рабочий костюм и облачился в домашний халат. Ноги ополоснул тёплой водой и сунул в тапочки.

– Мне бы поужинать, – жалобно попросил он, приоткрыв дверь.

Жена в ответ фыркнула что-то нечленораздельное, похожее на внезапно выплывший из болотной жижи пузырь зловонного газа, что означало: ужин на плите, гнилоносный кобель!

Ужином оказались котлеты на пару, с привкусом хозяйственного мыла, и холодные, как забытые на зимней рыбалке черви, макароны. Наскоро поев, Фурзякин заварил себе чаю и просочился в гостиную, где уборка была закончена. Включил телевизор и стал смотреть новости.

В новостях сообщили, что премьер-министр снова посетил финансовый форум в Гааге, что на летних олимпийских играх российские спортсмены завоевали восемь золотых и четырнадцать серебряных медалей, а также принесли бронзу в соревнованиях по синхронному плаванию и гребле на каноэ. Также узнал Фурзякин, что со следующего квартала текущего года плата за электричество возрастёт, и что кактусы подсемейства опунциевых отличаются особым типом шипов – глохидиями. Крайне жёсткими и ядовитыми, попадание которых в пасть животных вызывает мучительные боли и судороги, влекущие за собой смерть.

Гиндесбург с наслаждением закрыл глаза и представил жену, съевшую такой кактус. Мечущаяся в агонии супруга с иссиня-чёрным лицом и глазами, готовыми выпрыгнуть из орбит, подарила сознанию Фурзякина успокоение и негу. Но прекрасное видение было безжалостно разрушено ворвавшейся в комнату женой.

– Твой поганый гриб разросся, как тварь! Или ты эту дрянь изничтожишь, или я тебя, собаку паршивую, ночью порублю и ему скормлю!

– Да что ты, Ларочка, успокойся, – примирительно проблеял Фурзякин, – раз он разросся, я его разделю, и Фёдору отдам половину. Он давно просил.

– Отдам?! – возмутилась супруга так, словно ей предложили съехать из комфортабельной квартиры в грязный сарай, – Я его ращу, пою чаем с сахаром! А ты этому иждивенцу алко-голёзному за так? Ну, нет! Вот ему, а не половину! – и показала супругу огромный розовый кукиш с жирным и уродливым большим пальцем.

– Да ведь...

– Иди сейчас же в унитаз смой! Я эту дрянь видеть не хочу, не то, что трогать! – и хлопнула дверью так, что у Гиндесбурга ёкнуло в груди.

Он, зная, на что способна супруга в моменты, когда её приказы игнорируют, отправился на кухню, где в трёхлитровой банке рос столь любимый им чайный гриб. Выбрасывать его было

до жути жаль. Фурзякин знал, что гриб полезен и для желудка, и тонизирует лучше всякой минеральной воды. А уж как средству борьбы с похмельем – равных нет! Но жена! Перечить ей было делом столь же бесполезным, как воевать с торнадо при помощи пылесоса.

Взяв банку, Гиндесбург понёс её в туалет. Встав над очком отхожего места, он горестно вздохнул и накренил банку. И вдруг увидел, что со дна её поднялся крупный пузырь газа и медленно поплыл кверху. Когда он всплыл, гриб слегка приподнялся в центре, и по его поверхности прошла странная вибрация. Боковые слои гриба чуть раздвинулись и Фурзякин услышал:

– Не делай этого!

Он резко обернулся и понял, что дверь за ним закрыта.

– Кто это сказал? – прошептал он.

– Я, – ответил гриб.

– Но ведь... Так не бывает. Ты же гриб. Ты не живой!

– Что за глупости? – возмутился гриб, завибрировав краями, – Конечно же, я живой.

– Да, но...

– Хочешь сказать, что если я гриб, то и живым быть не могу? – усмехнулся тот, – У меня даже есть имя.

– Имя? – удивлению Фурзякина не было предела.

– Имя моё Гао-Цзу. Но ты можешь называть меня проще, вторым моим именем Цзы. Должен предупредить: я отношусь к очень древнему и знатному роду. Я – первый император китайской династии Хань.

Фурзякин нервно сглотнул, подумав про себя: не подсыпала ли жена ему какой-нибудь отравы в ужин? Он где-то читал, что у отравленных перед смертью часто бывают галлюцинации. Фурзякин мотнул головой и снова накренил банку с твёрдым намерением слить гриб в унитаз.

– Эй, эй! – вскрикнул водоплавающий гриб, – Спокойнее. Я могу доказать, что и вправду живой!

– Как?

– Очень просто! Я знаю, где твоя Ларочка прячет деньги, – заявил гриб, придав голосу таинственную интонацию, – на кухне в правом шкафчике над плитой, прямо в банке с гречкой. Там что-то около ста тысяч.

– Хм... – рассудил Гиндесбург, – если ты моя галлюцинация, то это окажется ложью. А если нет, то...

– Видишь как просто. Стоит только проверить, – приободрил хитрый гриб Цзы.

– Ладно. Побудь пока тут.

– Нет! Не оставляй меня, а то эта мегера меня выльет!

– И то верно, – согласился Фирзякин.

– Что ты там бормочешь, идиотина? – раздался вопль жены за дверью. Ручка в туалет в тот же миг спазматически задёргалась, и Фирзякин от испуга чуть не выронил банку. Гриб тревожно булькнул.

– Скверная жена у тебя, Гиндесбург, – сказал он тихо.

– И не говори.

Гиндесбург осторожно отодвинул задвижку, и тут же дверь распахнула супруга. Её злоешие глаза принялись шарить по крохотному пространству туалета.

– Что ты там прячешь, рухлядь нафталиновая?

Фирзякин, держа банку за спиной, не нашёлся что ответить, а только безвыходно покраснел.

– Смыл? – жена грозно сдвинула брови.

Фирзякин молчал. Он робко попытался выйти, но тут же был оттиснут мощной грудью супруги обратно.

- Смывай при мне!
- Нет! – сказал он треснувшим голосом.
- Что!??
- Это мой гриб, – сказал он твёрдо.
- Что, что! – повторила жена тоном оскорблённого евреем офицера вермахта.

Фирзякин с ужасом увидел, как громадная шпалоподобная рука супруги медленно поднялась ввысь, и уже через секунду в глазах его вспыхнули молнии, а в ушах заложило ватой. Гиндесбург увидел, что он полулежит в совершенно неестественной позе, зажатый между унитазом и стеной, а его жена с улыбкой дьяволицы победоносно держит перед собой банку с грибом. Пока Гиндесбург пытался освободиться, жена успела-таки вылить несчастный гриб в унитаз. Беспомощный, он лежал на приступке толчка, склизкий и жалкий. Края слабо вибрировали предчувствием неминуемой гибели.

- Вот сука! – сказал он вдруг отчётливо и громко.

Лариса Фирзякина, тянувшая в этот момент руку к рычажку слива, окаменела. Взгляд её метнулся на супруга.

- Это кто сказал? Ты??? – спросила она сипло.
- Он, – ответил Фирзякин, кивнув на гриб.

Жена, не веря своим глазам, наклонилась над очком отхожего места. Гриб молчал. Тогда она вооружилась стоящим возле унитаза вантузом и хотела было ударить им гриб, как тот вдруг легко и неожиданно выпрыгнул из унитаза и налип на её покрасневшее после косметической маски лицо. Фирзякин услышал дикий, заглушённый телом гриба рык. Жена, пытаясь содрать атаковавшую её нечисть, сучила по лицу когтями. Но всё было тщетно. Гриб словно прирос к ней. Края его сомкнулись на затылке намертво. Несчастная, вертясь юлой, в агонии выскочила в коридор, налетела на рогаину вешалки и упала на пол. Спустя минуту она затихла, и Фирзякин понял, что произошло страшное.

– Не волнуйся, – услышал он вдруг, – я только усыпил её. Правда, надолго. Пусть проспится как следует. И потом: она нам мешать будет.

- Мешать нам? – удивился Фирзякин.

Он увидел что гриб, совершая странные телодвижения, сполз с лица жены и проворно двинется обратно в туалет.

- Застрял? – посочувствовал тот, забравшись на край унитаза, – Ну, давай я тебе помогу.

И гриб, проскользнув по керамическому бортику, оставил после себя текучий маслянистый след. Слизь, словно смазка, стекла по бортам, и Гиндесбург с лёгкостью выскользнул из ловушки.

– Ты мне новую банку поищи, – сказал гриб, горестно созерцая осколки прежней обители, разбитой мечущейся в агонии женой Фирзякина.

- Ага.
- А теперь, – сказал он, потирая края друг о друга, – пойдём чай пить!

* * *

Гиндесбург и гриб сидели друг напротив друга за кухонным столом. Тут же стояла вскрытая банка с гречкой, в которой обнаружили спрятанные женой деньги, остывший недопитый чай в фарфоровых кружках, литровая бутылка водки, опустевшая наполовину, маринованные помидоры на блюде, нарезанная колбаса и сахар-рафинад, которым гриб закусывал водку.

Делал он это так: всосав очередную рюмку, гриб напелзал на кирпичик сахара и с урчанием растворял его в себе. Гиндесбург наблюдал эту картину с неописуемым умилением, словно гриб был ему родным годовалым сынишкой, выучившимся самостоятельно ходить.

– ...И когда я взобрался на гору Фудзи, – вещал гриб заплетающимися краями своей кожистой мантии, – в душу мою снизошёл небесный свет. И всё стало прозрачно и чисто. Я понял: дух и плоть лишь временно объединены меж собой. Но дух неизмеримо выше, а потому любой, кто достиг просветления, способен воплотится к новой жизни в любом живом объекте. Мой срок пришёл сейчас.

– Поразительно! – восторгался Фирзякин. Он тоже сильно опьянел. Голова его покачивалась, а нос стал распухшим и красным, – Но почему ты не стал снова человеком? Разве удобно быть чайным грибом?

– Не всё так просто. Моё истинное перерождение должно состояться только через сто лет. **НО МНЕ НЕОБХОДИМО СЕЙЧАС ПРИСУТСТВОВАТЬ В МИРЕ!** Ибо грядут события, последствия которых могут изменить всё! – сказал он, посерьёзнев.

– Какие события?

– Ты обо всём узнаешь в своё время. Судьба соединила наши судьбы, и теперь тебе суждено стать моим проводником и помощником. Готов ли ты послужить свету?

– Готов, – пламенно ответил Фирзякин.

– Я знал, что ты чист душой. Знай: твоё имя останется в веках. И судьба твоя будет не напрасной.

– Я всегда мечтал сделать что-нибудь великое, – признался Гиндесбург, горестно вздохнув, – но как тут развернёшься? – он огляделся по сторонам. Крохотная кухонька с пожелтевшими обоями и старой, местами облупившейся, мебелью, производила впечатление тяжкое. На подоконнике тоскливо вяли заброшенные хозяйкой фикусы. Нездорово гудел старый маленький холодильник. В углу у помойного ведра на пыльной паутине покачивался жирный паук.

– Горизонты необъятны, а стены не есть препятствие. Лишь твой разум ставит преграды, но, в сущности, нет ничего недостижимого, и ты, как и всякий, кто служит свету, способен и достоин великой судьбы!

– Спасибо! – с чувством ответил Фирзякин, блеснув слезой.

– Наливай, – ответил гриб, подталкивая рюмку поближе.

Выпив, приятели закусили. Фирзякин звучно проглотил сплюснутый маринованный помидор. Гриб блаженно всосал рафинадину.

– Завтра мы отправимся в подвал соседнего дома, – заявил гриб.

– Зачем?

– Ты все поймёшь, когда увидишь своими глазами, – гриб качнулся и чуть не соскользнул с края стола, но Фирзякин успел его поймать.

– Спасибо! – поблагодарил тот, икнув, – Вообще-то перемещаться по городу мне проблематично, – задумался он, – поэтому наденешь меня вместо кепки.

– Но... Это как-то...

– Ну не в банке же меня носить? И потом: так мне будет комфортнее.

– Понял, – согласился Фирзякин.

– И ещё, – предупредил деловито гриб, – Ты должен делать всё, что я тебе говорю. Должен верить мне. Даже если мои указания покажутся тебе странными. Понятно? Всё-таки я, как-никак, император!

Фирзякин покорно кивнул. Они выпили ещё на сон грядущий, и Гиндесбург, уложив гриб в новую банку, отправился спать. Бездыханную супругу он оттащил на тахту, а сам улёгся в кровать, раскинувшись на ней свободно, как беззаботный оболдуй на цветочной поляне.

Но, хотя и выпил довольно много, сон никак не шёл. В голове вертелись странные мысли о мире, перерождении человеческой души и грибах. За окном горела прожектором полная луна. Призрачные облака медленно обрамляли её. Зыбкие, как утренняя дымка. На подоконнике сидел, свернувшись холмом, кот.

«Странное дело, – думал Гиндесбург, – гриб рос у меня почти год. Почему же он раньше молчал? И вообще чудеса это, честное слово. Гриб – и вдруг император! Однако вписаться в историю, стать личностью, которую запомнят в веках... Эта игра стоит свеч!»

С этой приятной мыслью Гиндесбург мягко провалился в сон, и его унесло на волнах фантазий в мир грёз, словно щепку в океан.

* * *

Утром Фирзякин по приказу гриба сходил в магазин и купил сорок упаковок чёрного индийского чая и десять килограммов сахарного песка. Всё это они взяли собой. По дороге к подвалу соседнего дома Фирзякин встретил знакомого. Это был его приятель Гриша Шишковец. Гриша слыл во дворе фигурой любознательной, а потому сразу же его взгляд упал на странный головной убор Гиндесбурга.

– Промокла кепка, – пояснил Фирзякин, стараясь как можно быстрее ретироваться. Взгляд приятеля вперился в гриб, лежащий бесформенной мокрой плесенью на макушке.

– Да? – удивился Гриша, и, запрокинув кверху нос, взглянул в чистейшие, без единого облачка, небеса.

– Дурак какой-то окатил из окна, – наврал Фирзякин.

Приятель оценивающе приблизился носом к кепке.

– Кисленьким пахнет, – сказал он воодушевлённо.

– Мне идти нужно, – скривился в вынужденной улыбке Гиндесбург.

– Иди. Только кепку выбрось. Какая-то она неправильная у тебя...

Фирзякин ступешался, не зная, что и сказать.

– А она знаешь, на что похожа... да нет, постой. Это же так и есть, – глаза Шишковца округлились, – это же...

Но договорить он не успел. Фирзякин, сам того не понимая, как это произошло, схватил Гришу за горло и принялся душить. Делал он это против своей воли и сам ужасался тому, что видел. А видел он задыхающегося приятеля, жадно пытающегося схватить распахнутым ртом воздух. Вдруг Гиндесбург почувствовал какое-то движение на голове, и увидел, как с макушки, отделившись от гриба, слетела тонкая кожистая плёнка. Она надела на лицо Шишковца, точно облепив контуры, и спустя долю секунды всосалась в сипящий рот. Как только это произошло, Шишковец замер, прекратив попытки освободиться, зрачки его расширились, и он отчётливо, голосом совершенно невозможным для человека, произнёс:

– Отпусти.

Гиндесбург понял вдруг, что вновь обрёл над собой контроль, и разжал пальцы.

– Теперь это наш человек, – сказал Шишковец.

– Кто? – не понял Фирзякин.

– Он, – Ответил Шишковец указав пальцем себе в лоб, – я отдал часть своей мантии и теперь могу манипулировать его сознанием.

Фирзякина прошиб пот. Это было чудовищно. Перед ним стоял всё тот же Шишковец. Но было понятно, что это уже не он. И человеческого в нём осталось мало. Глаза остекленели. В теле чувствовалась мрачная мраморная неподвижность. Движения стали механическими и неестественными, словно у куклы в руках кукловода.

– Боже! Зачем ты так с ним?

– Он мог помешать нам, – назидательно ответил гриб ртом Шишковца, – Пойдём.

И, развернувшись, Шишковец зашагал деревянной походкой к подвалу соседнего дома. Фирзякин двинулся за ним. Войдя в подвал, они остановились в тускло освещённом, пропахшем сыростью и нечистотами помещении. Повсюду тянулись проржавленные трубы, в которых журчала и булькала вода. Блестели зелёной краской круглые штурвалы кранов. А на полу тут и

там валялся всякий хлам. Шишковец-гриб осмотрелся, и, уставившись в даль подвала, указал пальцем в пыльное пространство.

– Нам туда, – сказал он голосом, без какой бы то ни было эмоции. Так мог бы говорить дуб, или чугунный фонарный столб.

У Фирзякина от этого голоса онемели конечности. Гиндесбургу стало страшно. Он представил, что и с ним может случиться такое, что гриб так же овладеет им.

Импульсивно он потянулся рукой к голове, желая сорвать с макушки гриб, но услышал.

– Ты что? У тебя возникли сомнения? – это вещал уже не Шишковец, а сам гриб, облепивший череп. При этом рука Фирзякина замерла в воздухе сама собой, и он понял, что не владеет своим телом.

– Вчера ты клялся мне в верности, а сейчас испугался такой ерунды? – продолжал наглый гриб, – Да, конечно, я мог бы сделать куклу и из тебя. Но, заметь, я этого не сделал! Ты мой друг! Соратник. Компаньон. Ты должен доверять мне, и за это получишь награду такую, какой никто тебе не предложит.

– Прости, – дрожащим голосом проблеял Гиндесбург.

Тут к нему повернулся Шишковец.

– Я тебя прощаю. Но учти, если ты будешь пытаться помешать мне, это с твоей стороны будет не чем иным, как предательством и откровенной изменой. Я сначала сделаю тебе очень, очень больно. А потом завладею так же, как и им, – и снова Шишковец ткнул себя в висок скрюченным каменным пальцем.

– Я всё понял, – задрожал Фирзякин. – Я больше никогда. Поверь, никогда не усомнюсь!

– Вот и хорошо, – кивнул кукольной головой Шишковец, – следуй за мной. И не забудь сумку.

Фирзякин поднял с пола сумку с чаем и сахаром, что сама собой выпала из рук от испуга, и двинулся по коридору вслед за провожатым. В центре подвала Шишковец-гриб остановился возле помещения с табличкой «ЦК – Не Входить!»

– Что это? – спросил Фирзякин.

– Центральный коллектор, – пояснил гриб, – отсюда идёт распределение воды по всему вашему району.

– Откуда ты знаешь? – удивился Гиндесбург.

– О-о! Я знаю много чего, – хихикнул гриб на макушке, склизко хлопнув. – Вышибай дверь, – приказал он.

И в этот же миг Шишковец, отпрянув метра на два от двери, со всего маху ударился в неё всем телом. Выглядело это жутко. Казалось, тряпичную куклу с ненавистью швырнули о стену. Дверь с грохотом провалилась в комнату, и Шишковец упал вслед за ней. Из уха у него потекла тонкая струйка крови. Фирзякин испуганно вскрикнул, но тут увидел, что Шишковец поднимается. Лицо его оказалось разбитым, а нос – сломанным. Выглядел он точно зомби из кинофильма. Одна рука его неестественно вывернулась и болталась, словно оборванный шланг.

– Иди за мной, – сказал он, и изо рта у него вылетел выбитый окровавленный зуб.

«Господи, – подумал Фирзякин, – это сон. Жуткий сон!»

Однако тут же он подчинился и последовал за страшным искалеченным приятелем. Они подошли к огромному металлическому баку, стоящему в центре помещения, высотой около двух метров. Сверху его закрывала объёмная крышка с кольцом вентиля, похожая на люк подвальной лодки, а к крышке вела металлическая, зарешёченная лестница.

– Тебе придётся открыть, – пояснил гриб. – Это чучело руку сломало, похоже. Лезь!

– Но зачем? – непонимающе спросил Гиндесбург.

– Сейчас узнаешь.

Забравшись наверх, Фирзякин с большим трудом открутил вентиль, и, откинув крышку, увидел, что бак полон воды.

– Сыпь всю заварку и сахар, – приказал гриб.

Гиндесбург подчинился. Когда работа была сделана, он, по приказу гриба, размешал черенком старой швабры воду, и, наклонившись над баком, почувствовал, как с головы посыпались тонкие лепестки мантии гриба. Его вдруг поразило открытие коварного плана.

– Всё верно, – будто прочитав его мысли, сообщил склизкий император, – сейчас я размножу свои споры и попаду в каждый водопроводный кран. Мы расширим наше влияние многократно, и дальше действовать станет намного легче...

* * *

Вечером этого дня в городе наблюдалась странная и дикая картина. Почти все окна в домах горели электрическим светом. По пустынным улицам то и дело с криками ужаса проносились редкие граждане. По городу распространился кислый тошнотворный запах, какой часто встречается в вокзальных сортирах.

Гиндесбург сидел на кухне и угрюмо пил водку. В комнате, погружённая в кому, лежала жена. Гриб же, присосавшись к оконному стеклу, торжествующе наблюдал за окнами соседних домов. Фирзякин видел, как то и дело в окнах появлялись человеческие силуэты и рапортовали грибу жестом, похожим на нацистское приветствие. Он отвечал слабой вибрацией тела, от которой противно и уныло скрежетало оконное стекло.

«Боже, во что я влип?» – с ужасом думал Гиндесбург, напиваясь.

На миг в его голове возникла мысль кинуться к грибу и располосовать того ножом. Он покраснел, покрывшись испариной, и украдкой взглянул на кухонный нож, лежащий возле блюда с закуской.

– Вот что, – сказал вдруг гриб, – когда первая фаза будет закончена, я посвящу тебя в дальнейшие планы и в самую суть того, что ты сейчас наблюдаешь. Понимаю, это может казаться тебе бесчеловечным и неправильным, но уверяю тебя, друг мой, ты ошибаешься!

Гриб ловко соскользнул со стекла на подоконник и проворно перелез с него на стол.

– Истинно великие вещи у непосвящённого могут вызвать ужас и животный страх. Поэтому я беру своим долгом посвятить тебя во всё, но только после того, как ты будешь к этому готов.

Гиндесбург послушно кивнул и слабо улыбнулся. Он понял, что ничего уже не в силах изменить...

* * *

– Подлей мне сладенького чайку, – донеслось из ванной, когда Фирзякин кропотливо мыл на кухне посуду.

– Сейчас, – ответил он. Наполнил кастрюлю остывшим переслащённым чаем и медленно понёс в ванную комнату. Тапки, предательски шлёпая, прилипали к залитому сладким чаем линолеуму.

– Поскорей! Что ты еле волочишься? – недовольно гаркнул гриб.

– Иду, иду, – и Гиндесбург ускорил шаг.

Гриб, разросшийся до размеров огромного пляжного зонта, возлегал в чаше ванны. Возле него, в луже мутновато-коричневой жижи, стоял телефонный аппарат, весь в слизи. То и дело кто-то звонил грибу, и тот, голосом властным и спокойным, отдавал распоряжения: – Владикавказ? Даю вам ещё три дня. Всё, и слушать не буду. Выполняйте. Да? Чартерным рейсом. И

Сидней. Ах, уже? Отлично... Поставки чая из Китайской долины Чжу, да, можно и индийский. Как, пропал вагон? Десять тонн сахара? Уничтожу!..

Фирзякин нерешительно встал в проёме двери, боясь прервать бранные диалоги своего повелителя. Гриб, заметив Гиндесбурга, вяло кивнул ему, позволяя войти. Фирзякин аккуратно вылил в ванну содержимое кастрюли. Гриб блаженно заурчал. Мантия завибрировала, и из-под неё вырвались громадные зловонные пузыри. Фирзякин инстинктивно задержал дыхание. Глаза заслезились.

– Ты вот что, – сказал гриб, – принеси-ка сюда телевизор. Сегодня в новостях будет кое-что интересненькое, – он гулко булькнул, что означало крайнюю степень блаженства.

– Хорошо, – ответил Фирзякин тихо.

За прошедший месяц гриб не только вырос в размерах, но и научился самостоятельно передвигаться по квартире. Тело его стало походить на человеческий силуэт, как если бы здоровенный медведь, вставший на задние лапы, ходил в навеки приросшем к телу мокрому дождевике. У него выросли глаза, как у кальмара, и даже обозначились черты лица, настолько жуткие, что Фирзякину порою казалось, будто смотрит на человека, изуродованного серной кислотой.

Однако гриб был очень доволен новой внешностью. Часто он любил задерживаться возле зеркала и подолгу смотреть на себя. При этом он оживлённо декламировал речи, словно стоял на трибуне перед толпой, и Гиндесбург с ужасом находил в нём сходство с одним диктатором, пытавшимся более полувека назад покорить весь мир. Самое жуткое было в том, что грибу это удавалось куда быстрее и проще. Фирзякин знал, что его споры распространились теперь по всем континентам. Что на всём свете не осталось ни одного крупного города, где бы не было омерзительных отпрысков, захвативших людей.

И всё это произошло молниеносно. Казалось бы – огромная планета, тысячи городов, миллионы людей, технологии, позволяющие человеку чувствовать себя венцом творения, спутниковые коммуникации, Интернет, космические корабли, невероятные научные открытия, военно-техническая мощь высокоразвитых стран – и всё это в одночасье попало в лапы одной немыслимой субстанции, без каких-либо громадных усилий. Человечество ожидало всего, чего угодно: нашествия инопланетян, ядерной войны, смертельных вирусов – а его в один миг захватил какой-то паршивый чайный гриб, выросший в его, Фирзякина, квартире, в обыкновенной трёхлитровой банке. От этой мысли Гиндесбургу становилось невыносимо. Он хотел выброситься из окна, облить себя бензином и поджечь, отравиться, наконец. Но понимал, что это ничего не изменит. Он должен что-то предпринять. Ведь он был самым приближённым к грибу человеком. Но что?

* * *

Вечером в телевизионном выпуске новостей на главном федеральном канале известный ведущий Вениамин Шлознер, обращаясь с экрана лично к грибу, отрапортовал, что на данный момент в мире 89 процентов населения имеют в себе чип-спору великого императора, и совсем скоро эта цифра приблизится к отметке сто процентов, а следовательно, и к абсолютной победе.

Однако, заявил Шлознер, в некоторых странах, в том числе и в России, нашлись малочисленные группировки людей, не заражённых чип-спорами. Произошло это из-за генной мутации в ряде поколений данной ветви особей. На эту информацию гриб отреагировал бурным выплеском зловония, от которого Гиндесбург чуть не потерял сознание. Тут же, набрав на телефоне какой-то загадочный номер, гриб отдал приказ уничтожить всех, кого невозможно повиновать его воле. И тут Гиндесбург понял, что началось. До этого, насколько он знал, захват планеты обошёлся малой кровью. Число погибших было столь незначительным, что это вполне вписывалось в криминальную статистику убийств на всей планете. А ведь с тех пор, как гриб

начал распространять свои споры, криминальные волны полностью схлынули. И это Гиндесбург признавал, убеждая себя порой, что действия гриба гуманны и ведут человечество к светлому будущему. Но в тот же миг он понимал, что это не так. Гриб просто превращал людей в послушных роботов, в зомби, без собственной воли и чувств.

Человеку свойственно насилие, как одна из ключевых особенностей эволюционного развития вида. Но теперь, понял Фирзякин, начнётся настоящий геноцид. Тех, кто не угоден, кто не поддаётся зомбированию – просто уничтожат. И это было ужасно.

– Гиндесбург, – сказал вдруг гриб торжественно, – настало время посвятить тебя в мой план. Он близок к завершению. Нам осталось провести зачистку. Но, я уверен, победа уже за нами! – он странно посмотрел в глаза Фирзякину, – Ведь так?

– Да, да, конечно, – встревоженно ответил тот и посмотрел на своего повелителя.

– Хорошо. Я рад, что в этот звёздный час ты со мной мой, верный друг и соратник. Так вот. Я расскажу тебе одну историю. Когда-то давно на Земле родился один человек, не похожий на других людей. Отличался он тем, что был мудр и справедлив, и вместе с тем бескорыстен и честен. Он был беден, и не мог одарить таких же, как он, теплом и едой, но слова его заставляли многих забыть, что они голодны, что одежды их рваны и потрёпаны, что мысли и чувства темны и жалки. Он возводил истину превыше всех человеческих благ, и говорил о том, что все равны и никто не чёрен в душе своей, как ночь, а подобен свету солнца, но у некоторых свет этот потускнел из-за невежества и мрака душ таких же потерянных людей вокруг. И что главное зло этого мира – равнодушие и страх. Ты, верно, слышал о нём, так или иначе. Все древние книги говорили о его присутствии на земле, но каждая по-своему.

– Да, – кивнул удивлённый Фирзякин, – я понимаю, о ком ты.

– Так вот, – сказал гриб печально, – это всё ложь!

– Как?

– Ложь не в том, что его не было на земле, а в том, что каждый человек светел. Это совсем не так. Разве не замечал ты сам, как порой жестоки, к примеру, дети? С каким удовольствием и радостью совершают они дурные поступки, унижают ближних своих и не уважают родителей? А ведь дети только прибыли в этот мир, но души их уже темны. Не у всех, конечно, и всё же. И разве не видел ты убийц и воров, для которых не существует ничего святого? Где же их свет? Его нет! А нет потому, что свет этот на самом деле – лишь часть энергии так называемого Большого взрыва, из которой и состоит всё во Вселенной. Атомы изначальной энергии. Фотоны. Но что сам по себе один фотон? Один атом? Один квант? Ничто! Они становятся материальны лишь в совокупности. Превращаясь в молекулы, затем в вещество, из вещества – в организмы. Так же формируются планеты и звёзды. И венец всему – чёрные дыры! А что такое чёрные дыры? Это сжатые в критически малый объём солнца с массой в три раза большей, чем наше Солнце. Они настолько мощны, настолько велика их масса, что даже фотоны не могут вырваться из гравитации. И всё больше и больше втягивают в себя всё вокруг, создавая воронку. А что есть эта воронка? – пузырясь, провозгласил гриб.

– Что? – распахнул глаза Фирзякин.

– Галактика! В центре каждой галактики пульсирует чёрная дыра. А сколько всего галактик в нашей Вселенной? Миллиарды! Миллиарды галактик. И всё это произошло из крохотной точки пространства, размером меньшей, чем атом, но массой большей, чем всё вещество всей Вселенной. Ты понял, к чему я веду?

– Нет, – честно признался Гиндесбург.

Гриб приподнялся из чайного сиропа, и по телу его пробежали едва видимые струйки электрических разрядов.

– Я хочу стать той самой точкой пространства, из которой родилась вся жизнь!

– Я не понимаю: как? Как это возможно?

– Видишь ли, как ни странно, но в нашей Вселенной из миллиардов миров, из сотен миллионов вариантов, лишь одна планета дала разумную жизнь. И, как бы ни заблуждались ученые, как бы ни надеялись они найти они ещё кого-то разумного во Вселенной, попытки их обречены. Никого, кроме нас, тут нет. И это не случайно! Ведь сознание – самый высший и самый парадоксальный вид энергии. Сознание настолько всеобъемлюще, что в нём может сконцентрироваться всё, что только можно вообразить. Когда я подключу к себе сознания всех людей на планете, я стану центром всей энергии, самым мощным и массивным гравитационным объектом Вселенной. Самой массивной чёрной дырой.

– И что же случится?

– Вселенная схлопнется в единую точку. В меня.

– Но зачем?

– Затем, чтобы я создал новую вселенную!

– Но... но ведь Вселенная уже существует. Зачем нужна новая?

– А разве эта вселенная хороша? Разве жизнь и люди в ней добры и справедливы?

– Не все, согласен, но нельзя же всех вот так убивать? – изумился Гиндесбург.

– Я никого не убиваю, – рассудительно ответил гриб, – это трансформация. Смотри. Те люди, что настолько втянули в себя свой свет и стали черны, как чёрные дыры космоса, чья гравитация настолько велика, что и свет не может вырваться из этого мрака, все те, кого ты называешь злом, могут опередить меня, и тогда родиться другая вселенная ещё более чёрная и ужасная чем эта. Ведь зло – это только понятие, категория разума. Никто не делает осознанного зла, просто в его субъективном понимании то, что он творит, является благом, ибо он настолько сконцентрирован в себе, что все общественные категории добра и света тесно связаны в нём с собственным эго. А эго требует одного: поглощения. Но таких людей много, и каждый из них слишком мал и слаб, чтобы вобрать в себя весь свет, всю энергию. Поэтому неудовлетворённое эго способно лишь причинять боль другим, пытаясь насытить себя. Я же сконцентрирую всё в одной точке и создам из неё идеальный мир. Идеальную вселенную счастья!

– Всё это как-то запутанно и сложно, – сказал изумлённый Фирзякин, – Как можно сделать счастливыми людей, уничтожив их?

– Это не уничтожение, но – трансформация. И потом... Ну, к примеру. Чего хотел ты от жизни? К чему стремился? Какова твоя цель?

– Ну, я не знаю, – опешил Фирзякин, – Жить достойно, семья, дети... Домик за городом, машина, пара квартир в центре города, и чтобы войны не было.

– Всё это мелко и глупо. Ты потому ещё и излучаешь свет, что гравитация твоя слаба. Свет должен быть в тебе. Внутри. Вот высшее состояние материи! Но я и не ждал, что ты поймёшь меня сразу. Для простого человека это алогично. Ведь ты мыслишь категориями добра и зла, не осознавая, что категории эти есть одно и то же в своей сути. Это просто два демона, вымышленные тобой, две половинки сознания, ведущие бессмысленную войну ради одной цели – заполнить пустоту событиями и смыслом.

– Возможно и так. Но мне всё равно непонятно: как сделать счастливыми людей, поглотив их души насильственно?

– Только так и можно сделать их счастливыми, – ответил гриб, – у каждого человека своя правда. Те, что ещё излучают свет – глупцы, а те, что свет научились поглощать – дилетанты, ибо не знают, что такое высшее счастье!

– И что же это?

– Высшее счастье это – непрерывность бесконечности эго в окружении миров непрерывности бесконечных эго, где каждый, в свою очередь, счастлив осознанием бесконечности непрерывности эго всего вокруг!

Глаза у Гиндесбурга округлились. Он молча вышел из ванной и медленно прошествовал в комнату. Жена, погружённая грибом в летаргический сон, лежала неподвижной массой на

кровати в углу. В темноте мерцал экран телевизора и что-то вяло рассказывал диктор новостей. Но Фирзякин его не слышал. В голове его вертелись галактикой мысли, сталкиваясь и разбиваясь друг о друга, рождая новые, не похожие на предыдущие.

– Если всё это правда, – думал он, – то ничто не значимо в этой жизни, все мои, да что там мои, все цели человечества пусты. Они и так пусты, ведь известно, что мир не вечен, мы смертны, и дети наши смертны, и планета и Солнце, да что там Солнце – сама Галактика, всё поглотят чёрные дыры, или она остынет и в конце концов улечится в небытие, как зола погасшего костра. Но ведь материя и энергия вечны? И огонь сгоревшего костра, по сути – вещества перешедшего в энергию, – лишь трансформировался, раздал свои фотоны и тепло другим, то есть продолжил жить и не исчез. А может, так всё и надо? И гриб прав? Сотни цивилизаций на Земле занимались, в конечном счёте, лишь тем, что уничтожали друг друга! А ради чего? Ради власти и превосходства своих идей и религий. Но что есть религия? И есть ли вообще Бог? Справедливый и мудрый? Нет, конечно, его нет! Ведь он должен быть справедлив и мудр – априори. Но если это так, и предположим, что Бог всё же есть, то выходит, что истина именно во зле. Лишь тираны и негодяи блаженствуют на этой планете. Лишь те, кто врёт и манипулирует массами. Негодяи жируют, в то время как честные порядочные люди влачат жалкое существование. Впрочем, какой чёрт! Ведь всё одно всё сотрёт время и ничего не останется: ни зла, ни добра, ни песчинки от этого мира! Так есть ли смысл в добре или зле? Но, погодите-ка, что, если он преступник? Лжец и мутант, выродившийся из плесени чая? Новый организм, заморочивший мне голову дурацкими мыслями? Что, если всё, что он говорил – чушь? Бред и бессмыслица! И цель его: поработить нас, всех людей. Сделать куклами. Он и есть тот самый могущественный тиран всех времен? Что, если бог светел, и правы те, кто верит в высшую справедливость? Жизнь бесконечна и душа бессмертна. И человек... Но... ведь... Материя? Разум... Атомы... Всё состоит из микрочастиц одних и тех же. Так? А они, частицы, в свою очередь, из чего? В одной песчинке более миллиарда атомов... Но и атом делим. Что в нём? Кванты и кварки? А они? Зачем? Где... Но я? Я же сам не вечен. И зачем мне вечность? Быть в вечности Гиндесбургом Фирзякиным? На кой чёрт! Или быть во вселенной гриба вечно счастливым в своём эго. Зачем? Кому это нужно. Мне? А я кто? Зачем я всё это думаю? Надо пойти и сжечь его, разбудить жену, и всё станет, как прежде. Жена... Но жена! Вот ведь... Да я сам же хотел её отравить! Эту жирную тварь! Дура. Пусть лучше спит. Нет, нет! Всё не то. Надо соглашаться. Гриб прав! Абсолютно прав. Я буду править вместе с ним. Мы сделаем всех счастливыми. Весь мир в моих руках. Какая, к черту, жена. Я могу выбрать любую с таким покровителем! Фотомодель длинноногую, ах, из той рекламы! В новой вселенной мы построим идеальное общество. Кластеры и буйки! Никто не заплывёт выше дозволенного. Сделаю свои времена года. К чёрту, к примеру, зиму. У меня всегда будет лето. Июньбрь, Февруль, Декагуст! Буду лежать на берегу океана и чтоб светило два солнца: одно как это, а второе хризантемовое и... Атомы чтоб все по порядку! Сказал: раз! И построились, как мне надо. А то, понимаешь, как хотят. Математику к черту! Буду волшебником, и летать чтоб можно было, как захочу! А захочу на другую планету в один миг, или буду великим учёным, открою суть мироздания. И тапки чтоб разбрасывать, где хочу, и носки! Можно будет пароходы на инфузориевой тяге, или, скажем, арбуз, а внутри помидорчик и колбаска с хлебом! Вот. А террористов всех на каторгу сразу. Нечего мне тут воевать. И этого суку в пиджаке, прям в тюрьму! А то сел в телевизоре Я – царь, царь! Мы таких царей в сибирские избы! Да мы горы свернём. Теслу оживлю, построит везде свои башни, чтоб не хапали нефть говнососы! И вообще посреди планеты построю себе пирамиду, как ступень в вечность!..

Долго и непрерывно Гиндесбург бормотал под нос планы великого и светлого будущего. Вдруг в дверь квартиры позвонили. Послышался двойной щелчок открываемого замка. В ком-

нату вошли. Зажёгся свет, и несколько мутных белёсых силуэтов встали напротив Гиндесбурга. Но он, погружённый в свои мысли, просто закрыл глаза.

– Рассказывайте, что с ним?

– Да вот уже второй день бормочет себе в нос белиберду всякую, – ответила Ларочка, встав над мужем в позе атакующего борца сумо. В одной руке у неё была зажата мокрая грязная тряпка, которой она только что мыла пол.

Два санитара, стоявшие позади доктора, устало переглянулись. Доктор же задумчиво поправил очки.

– На внешние раздражители не реагирует, надо полагать?

– Хоть бы что ему, чёрту проклятущему, – с ненавистью ответила жена Фирзякина, – сидит кобелюка и бубнит. И ночью бубнит и днём. Житья от него нет. У-у тварь! – и она угрожающе замахнулась на мужа тряпкой.

– Ну, ну, будет вам, успокойтесь. Вы не припомните ли, как это началось?

Ларочка, сместив в задумчивости брови к переносице, ответила:

– Да вот пришёл в понедельник с работы, жрать ему дала, собаке, всё проглотил чертяра, и гриба своего напился, как обычно, сел и понеслась галиматья, думала, очухается свинорожа, а он всё сидит да бормочет, и глаза стеклянные, как у рыбы мороженой!

– Так, так, интересно, а позвольте, какого гриба? Этого самого? Разрешите, – доктор приблизился к банке с чайным грибом, что стояла возле Фирзякина на столе.

– Его, собаку, дрянь эту болотную, пьёт вечно. Полезно, говорит, – изобразила она издевательски интонацию мужа, – Идиотина! Сколько раз велела: вылей в унитаз жижу поганую свою. А он граблями машет, кудахчет, питушья жопа – Моё! Очищает! Что там ему очищать-то? Гнилуха! Пистон стреляный! Тьфу! – и плюнула на вымытый ей же самой пол.

– Так'с, ну, гриб-то давно испорченный у вас. Плесень, видите, пошла, – доктор указал на небольшие островки зеленоватой плесени на поверхности гриба, – очень опасное, знаете ли, дело!

– Да и я ему сколько раз! Кто ж дрянью-то такой печень чистит? А ему хоть что. Хоть чеши, хоть пляши! Мозги ж все стухли давно! Вы посмотрите на эту рожу – возмутилась жена.

Фирзякин сидел на диване с лицом человека, только что узнавшего, что его дальний, забытый давно родственник, скончался, оставив в наследство десять миллиардов долларов. Но тут же оно сменилось выражением угрюмой горечи и печали, а ещё через секунду – стыдом и позором. Метаморфозы происходили молниеносно.

– Ну что ж, придётся забирать. Галлюцинаторное помешательство на почве отравления. Возможно, лизергиновая кислота.

– А? – не поняла жена.

– Амбулаторное лечение сразу исключаем. В стационар его, ребятки. А гриб этот от греха и в самом деле слейте в канализацию.

Санитары подхватили Гиндесбурга под руки и без сопротивления повели к двери. Доктор, распрощавшись с женой несчастного, оставил контактный телефон и удалился, а Ларочка первым делом, с чувством душевного спокойствия и внутренней победы над каким-то, как ей казалось, мировым злом, надменно со шлепком вылила чайный гриб в унитаз.

* * *

Где-то в районе малой речки, из сточной трубы ранним летним утром выплыл тёмно-коричневый объект. Блестя на солнце глянцевой кожицей, он поплыл, влекомый слабым течением в направлении поселка Касранцы. Мальчик Иван в это время удил с дедушкой рыбу на берегу.

– Дед, дед смотри! – закричал пацан, – чего это за рыба такая?

– Где?

– Вон, смотри, какая странная, как скат прям.

– Да откуда ж здесь скаты?

– Гляди дед, смотрит, прям на нас! – завизжал счастливый малец, пытаясь достать рыбину концом удочки.

– Ишь, ты! И впрямь. Эх, всю страну засрали, демократы сраные! – и дед с ненавистью плюнул в мутную воду.

Диковинная рыбина приостановилась, моргнула два раза, и, испустив из странного тела рыжеватые пузыри, ушла под воду...

Брахмапудра

На эту работу я устроился, можно сказать, случайно. Один приятель дал мне телефон и сказал, что сейчас фирма как раз набирает новых сотрудников. Я позвонил и узнал, что компании, занимающейся продажей офисной мебели, требуется вэб-дизайнер, но все подробности по телефону мне не расскажут, а только при личной встрече. Я договорился о дате визита и пришёл на собеседование, предварительно побрившись, и чисто и аккуратно одевшись.

Начальник, моложавый плешистый мужичок лет сорока пяти, протянул мне анкету и вышел из кабинета. Я заполнил все графы абсолютно бредового документа, кроме последнего пункта. Вопрос, которого гласил: «Чего вы ждёте от нового места работы?». Чего я жду?

А, правда, чего я жду от нового места работы? Покопавшись в своих чувствах и ощущениях, я убедился, что никаких ожиданий во мне нет. Ничего я от новой работы не ждал. Мало того: мне было абсолютно наплевать, возьмут ли меня на эту работу. Но в пункте я написал сакраментальную фразу – «карьерного роста и незабываемых впечатлений».

Закончив с анкетой, я принялся осматривать кабинет руководителя, который никакого абсолютно впечатления на меня не произвёл. Банальный офис с серым столом, на столе компьютер, вернее, жидкокристаллический монитор SONY, кожаное кресло на колёсиках, на стене часы, на подоконнике печальный маленький кактус в горшке, и фигурка то ли Будды, то ли ещё какого божка на полке для бумаг у стены.

Вернулся директор, и, забрав анкету, хмуро прочитал её. Поднял на меня глаза и представился.

– Виктор Степанович.

– Роман, – ответил я.

Виктор Степанович вяло расспросил меня о предыдущих профессиональных заслугах, спросил, как давно занимаюсь вэб-дизайном, и, получив ответы, почесал нос и взял меня на работу:

– В понедельник выйти сможешь?

– Смогу.

Он протянул мне руку, и я, попрощавшись, ушёл домой. На улице накрапывал осенний дождь, настроение было паршивое, и меня совершенно не радовал факт того, что теперь я работник фирмы «ИНДРА»¹. В понедельник я, как и обещал, впервые вышел на работу. Меня поручили голубоватого вида пареньку по имени Руслан. Руслану надлежало всё мне показать, рассказать и вообще помочь устроиться на новом месте. Руслан был худеньким, довольно смазливым и несколько жеманным молодым человеком, в поведении которого я сразу уловил неподдельный интерес к моей персоне. В принципе, к геям я отношусь параллельно, но иногда они меня скорее раздражают и настораживают, нежели кажутся забавными.

Руслан был как-то уж слишком рад тому факту, что в их скромном учреждении появился новый сотрудник. Он засыпал меня разными вопросами, рассказывал какие-то анекдоты и всё время звал в курилку. В курилку я, конечно, ходил, и над анекдотами смеялся, но на лукавый блеск глаз Руслана, отвечал твёрдым молчаливым «НЕТ!», что явно его огорчало.

Вообще работников в фирме было не так много, и, что очень меня не грело, особ женского пола было просто-таки мало. Проще говоря, всего четыре. Самой обаятельной и вызывающей в душе тепло и радость, и даже смутную надежду на нечто возможное в дальнейшем, была Марина, стройная двадцатилетняя шатеночка, обожающая короткие юбки и красную помаду. Правда, помимо меня на неё заглядывалась добрая половина мужского коллектива,

¹ Индра – индусский бог неба и атмосферы, в старой ведийской религии могущественное божество, позже ставился ниже Вишну и Шива.

и тут, конечно, был сложный вариант, потому как Марина, прекрасно понимая, что её хочет каждый второй работник, пользовалась этим в своих корыстных интересах. Она активно флиртowała и строила глазки, томно показывала обворожительные бёдрышки сходящим с ума от вожделения сотрудникам, и смеялась красивым белозубым ротиком, колыхая при этом третьеразмерную грудь.

Дальше шла Маргарита Петровна Лапушкина, женщина лет тридцати, с приятными формами и красивыми руками. Красавицей я бы её не назвал, но что-то в ней определённо было. Маргарита Петровна красила волосы в пепельный цвет, была замужем, и у неё дома сидел десятилетний сын, которому она часто звонила и назидательно внушала, что и как следует разогреть из приготовленной мамой пищи, и с чем это разогретое лучше всего скушать. Было видно, что, не смотря на удачный брак и мужа, не увлекающегося алкоголем, Маргарита Петровна не прочь закрутить роман на стороне. Мужчины ей явно нравились, и особенно менеджер Андрей, с которым она постоянно перешучивалась.

Самой шикарной среди всех четырёх была, конечно, Светлана Анатольевна Кораблёва. Что можно сказать о ней? Светлана Анатольевна была по-настоящему красива, как может быть красива женщина на подходе к сорока годам. Выглядела она так, как обычно выглядят бразильянки в телесериалах. Высокая, с крепким торсом, похожая на элитную кобылку, всегда подчёркнуто элегантно одетая. Карие глаза с таким специфическим прищуром и чувственные губы. Мужчины её явно побаивались, сразу убивая в себе даже малейшие зародыши мысли, что она может снизойти до хотя бы флирта с ними. Смотрела она на всех надменно и даже с какой-то жалостью. Меня, казалось, вообще не замечала, будто я был не новым веб-дизайнером, а сломанным принтером, пылящемся в углу. Она была главным бухгалтером и два раза в месяц выдавала аванс и зарплату.

Последней в цветнике была Татьяна. Если говорить аллегориями, я бы сказал так: Марина – это жасмин, Маргарита Петровна – ландыш, Светлана Анатольевна – магнолия, а вот Татьяна, пожалуй – облетевший одуванчик. Толстая, если не сказать жирная. Впрочем, надо именно сказать: жирная. Глупая и шумная, вечно всем и всегда заинтересованная, алчущая карьерных успехов двадцатипятилетняя особа. Пороссячи глазки и сплюснутый нос на бездарно нарисованном косметикой маслянистом блине лица вызвали у меня рвотные спазмы. Ей нравились абсолютно все мужчины в офисе, включая даже Руслана, который шараялся от неё, как от бешеной коровы. Она была готова отдаться всем сразу, прямо сию секунду, прямо на рабочем месте. Меня, как новенького, Татьяна принялась окучивать мгновенно, после того, как я попал в поле её зрения.

Честно признаться, первой мыслью после того, как она подбежала ко мне знакомиться и пахнула на меня смесью глубоко пропитанной потом блузки и завядшим от пота запахом одеколона, была мысль об увольнении к чёртовой матери подальше от греха. И я уже пошёл было писать заявление, но по пути встретил в первый раз Светлану Анатольевну. Я, поколебавшись, решил, что ради возможности лицезреть такую красоту можно вытерпеть и это нелепое создание природы, Татьяну.

Работа моя была необременительной, и совсем несложной. В мою задачу входило обновлять сайт, отвечать на вопросы клиентов по электронной почте и помогать другим сотрудникам офиса избавляться от коварных вирусов, которыми они умудрялись заражать свои компьютеры чуть не каждый день. Всё было скучно и однообразно. Я целыми днями шатался по кабинетам, пил кофе и болтал с сослуживцами. Пришла зима и все нетерпеливо стали готовиться ко всёпоглощающему снежному празднику – Новому году.

Так как бюджет фирмы был невелик, а тратить деньги на цивилизованное празднование большинство активно отказалось, решено было, что ни в какой ресторан мы не пойдём, и отпразднуем приход Нового года в нашем офисе двадцать седьмого числа.

Марина охотно взяла на себя функцию организатора праздника, и, благодаря своим внешним данным, быстро собрала со всех установленную сумму, расписала, посоветовавшись с остальными, что купить из закусок и спиртного, и каждому определили сроки, в которые всё это нужно купить. Мне выпала банальная закупка вина по списку, составленному лично руководством, Марина даже дала адрес магазина, где я мог бы его купить, что я и сделал, причём с некоторым для себя интересом, так как вино, выбранное нашим боссом, оказалось родом из Индии, а я такого никогда в жизни не пил, и, конечно же, хотел упущение наверстать. Марина дала мне визитку нашей фирмы, и написала какие-то загадочные иероглифы на обороте, а когда я пришёл и отдал визитку со списком требуемых напитков миловидной продавщице, та, сделав какую-то уж совсем невероятную скидку, нагрузила две сумки бутылок, и, поклонившись, просила передавать своё почтение Виктору Степановичу и всем остальным. Я притащил вино в офис, но, разумеется, никаких почтений передавать не стал. А тихо и мирно ретировался домой на два часика пораньше.

Двадцать седьмого декабря на улице было жутко холодно, выла вьюга, и, не прекращаясь ни на секунду, шёл снег. Я на работу опоздал, так как накануне с друзьями уже отметил приближающийся праздник. Но на это никто особенного внимания не обратил, так как каждый был занят собственными приготовлениями: кто-то в течение дня срывался за подарками на часок-другой, кто-то зачарованно беседовал по телефону, планируя встретить в этот раз Новый год так, как никогда не встречал. Дамы с начала дня были заняты приготовлением стола и к непосредственным обязанностям не притрагивались.

Жирная Татьяна, вырядившись как дешёвая проститутка с Ленинградского шоссе, весь день бегала по офису, тряся безбожным целлюлитом и громко хохоча. Она строила всем, в том числе и мне, глазки, невероятно часто курила, и явно планировала кого-нибудь сегодня опохмелить водкой и увезти к себе домой. Лично мне она три раза прямолинейно намекнула, что у неё сегодня дома никого нет, и что при желании мы, все те, кто пожелает, и у кого останутся силы для дальнейшего поглощения алкоголя, можем поехать к ней и оставаться там столько, сколько захотим, хоть до самого первого числа.

Никто, конечно, ехать к ней не собирался, но и честно в глаза ей об этом не говорил, поэтому она была крайне воодушевлена предстоящим банкетом и полна самых смелых надежд. В четыре часа было решено садиться за стол, всё равно никто уже работать не хотел, да и давно уже не работал, а только мельтешил по офису в ожидании пьянки.

Из холодильника достали заледеневшую водку и шампанское, выставили вино и коньяк на стол, где давно поджидали всевозможные салаты, колбасная нарезка, оливки, дольки лимона и литровые пакеты с разнообразными соками. Все были определённо счастливы, и даже в глазах Светланы Анатольевны я увидел не надменное высокомерие, а что-то совсем другое. Во время сервировки стола она неожиданно назвала меня нежно по имени, и, вручив в одну руку салатницу, а в другую – две бутылки шампанского, отправила к столу, указав, куда это поставить.

Я и впрямь удивился, что она знает моё имя. Выглядела она просто сногшибательно: она надела тёмно-красное платье с глубоким декольте и вырезом сбоку, который предоставлял на всеобщее обозрение загорелые красивые ноги почти до самых трусиков. Потный и непривычно растрёпанный Виктор Степанович весь день кидал на неё молящие взгляды и вертелся вокруг, как преданная собачонка.

Наконец-то сели за стол. Со мной рядом с одной стороны, как воробей на жёрдочке, прилежал Руслан, с другой плюхнулся, как мешок картошки, Тольпик Иван, толстый менеджер по продажам, отличительной особенностью которого был ничем не истребимый запах изо рта и вечно потные ладони. Он тяжело дышал и нетерпеливо ёрзал на стуле, всем своим видом показывая, что крайне хочет выпить. Я, улыбнувшись, успокоил его, сообщив, что не более чем через пять минут его желание сбудется, он же, нервно хохотнув, посмотрел куда-то мимо

меня и дыхнул в мою сторону настолько ужасно, что я решил больше к нему не поворачиваться и бесед с ним не вести.

Самое приятное в моём местоположении за столом было то, что напротив меня, ну или почти напротив, через двух всего человек, слева сидела несравненная Светлана Анатольевна. Правда, с другой стороны так же близко располагалась жирная Татьяна. Прямо передо мной сидел Исаков Матвей Эдуардович, наш кадровик, но как конкурент он был неопасен, так как был стар, безвкусно одет, сморщен бурными годами жизни и крайне глуп. Он сидел, и, словно гриф, вертел из стороны в сторону лысой головой, пытаясь принять участие в шутках, улыбался металлическими зубами и держал на вилке круглый маринованный шампиньон.

Началась гулянка. Первый тост, как руководитель, взял на себя Виктор Степанович. Он произнёс длинную речь о том, что очень рад, что все мы столько лет вместе, что ещё один год канет в Лету, что новый обязательно принесёт что-то хорошее и светлое, и всё в новом году будет хорошо и замечательно, и что белые хлопья снега, которые кружат за окном – предвестники новых открытий и свершений, и что непременно нужно выпить стоя первый тост. Все, конечно же, встали и выпили, и потом ещё раз выпили, и поднимался с рюмкой коньяка Петр Шавович Шуршуретников, руководитель отдела межрегионального сбыта, и косноязычно поздравил четырёх прекрасных дам, вероятно, всё-таки причислив к трём действительно прекрасным дамам моего жеманного соседа Руслана, потому что жирную Татьяну и в самом диком забытьи нельзя было назвать прекрасной.

И все аплодировали и пили. И Матвей Эдуардович, уже пошатываясь, провозгласил, лязгнув челюстью, странный тост о вечном здравии Шивы² и об изгнании с неба, и восславил почему-то великого Каладевана³, дарующего всем вечную жизнь. И все ему охотно хлопали, поспешно усадив на место, и всё более и более обворожительная Светлана Анатольевна, которую почему-то Матвей Эдуардович почтительно назвал Бхагавати⁴, что-то запальчиво шептала ему на ухо и странно посматривала на меня, а я, уже сам изрядно приложившись к коньяку, горел щёками, и, ревнуя её, отбивался от якобы дружественных обниманий Руслана и сально-алчных взглядов жирной Татьяны, которая норовила перелезть через стол, поближе ко мне.

Потом я, плеснув в воспалённый ревностью организм водки, вскочил с места, и под кем-то предусмотрительно включённый музыкальный центр изъяс почти всю облизанную с ног до головы Решетниковым Андреем, чёрт знает чем занимающимся в нашем офисе молодым парнем с крючковатым носом и серьгой в носу, Марину, тоже изрядно пьяную и такую податливо нежную, и, запутавшись носом в её волосах, прижался к ней, как сумчатый медведь к пальме, в медленном танце. А потом мы развязно целовались в тёмном закутке, на рабочем столе Руслана, и она, уже почти достигнув моего разгорячённого достоинства прохладно-нежной рукой, вдруг зашептала мне в ухо какую-то абракадабру и просила называть её Арахари⁵.

А мне было всё равно, и я называл, и получалось у меня нечто среднее между «арахис» и «харя». Но тут нас обнаружили пьяно-весёлые сотрудники офиса, которые затеяли новогодний хоровод, и, не досчитавшись нас, включили свет. Я, еле успев одёрнуть платье Марины, впопыхах натянул штаны, и, упав на пол, был тут же поднят жирной Татьяной, от которой, еле отмахнувшись, убежал в уборную умываться.

И там, кое-как освежившись, снова вернулся в гремющий и звенящий бутылками офис, где в темноте при горящих свечах увидел странную картину, как вокруг сидящего в позе лотоса

² Шива – один из основных богов индуистского пантеона, воплощающий в себе и разрушительное и созидательное начала...

³ Каладеван – (букв. Бог времени) – имя бога смерти Ямы.

⁴ Бхагавати – (санскр. «обладающая долей, благодатная»), дравидская богиня, культ которой распространён на Малабарском побережье Индии. Богиня-разрушительница, покровительница болезней. Почитание её включает принесение в жертву петуха, а также оргиастические обряды.

⁵ Арахари – имя жены бога Шивы.

Виктора Степановича женщины офиса танцевали танец живота, а Матвей Эдуардович, закатив глаза, бил в невесть откуда взявшийся бубен и воспевал все десять имён Вишну⁶. Но, не успев ничего сообразить, я был пойман Русланом, который, еле держа в руках миниатюрный кальян, сунул мне в рот мундштук, и я, втянув в себя две большие затяжки, повалился на пол, к удивлению своему, успев насчитать у Руслана аж шесть рук⁷, а очнулся уже на столе в кабинете директора.

Но самое удивительное было то, что меня, полностью раздетого, уже почти оседлала жирная Татьяна, которая в какой-то момент вдруг показалась мне человеком с головой слона, и которая, к великому моему счастью, была на моих глазах бесцеремонно выгнана взащей Светланой Анатольевной со словами, – Пошла отсюда вон, мерзкая Айравата⁸!!!

И когда «мерзкая Айравата» поспешно ретировалась, похватав с пола свои зловонные одежды, Светлана Анатольевна плавно, словно плывя по воздуху, подошла ко мне, и при виде её в организме моём разлилось невероятное блаженство и неумолимое желание познать все её женские тайны, а она всеми своими действиями, что было для меня непостижимо, желала явно того же. Ибо, скинув с себя пленительное красное платье и окончательно раздев меня, она вознеслась надо мною и прильнула горячим чувственным телом к моему, и, целуя в губы и шею, приняла в своё лоно мой готовый лопнуть от нетерпения «жест отмищения», как она его странно, но страстно назвала. И когда я, обезумев от неземного накрывшего меня вдруг счастья, излился в неё, она поблагодарила меня, назвав лучшим среди смертных, и, спустившись ниже губами, испила остатки моих соков, и я обессиленно уснул...

Наутро очнулся я дома, с жутким похмельем и непониманием, как очутился в своей кровати. Я подумал, что, возможно, мои коллеги, увидев моё пьяное тело на директорском столе, переправили меня от греха подальше на такси, и, возможно, даже довели до квартиры и уложили в кровать, но ничего этого решительно не помнил.

Я еле дошёл до кухни и дрожащими руками нащупал невесть откуда взявшуюся в холодильнике бутылку пива, открыл и выпил ровно половину. Присел на табурет и закурил. Спустя минуты две пришло облегчение, и я почувствовал, что жизнь не просто теплится в моём теле, а снова питает живой интерес к событиям, и готово к новому дню. Пиво я с удовольствием допил, и мысли мои обрели некую гармонию, но воспоминание о пришествии моём в родную обитель так и не возникло.

Я, питаемый жгучим любопытством, нашёл телефонную трубку, которая отчего-то валялась на полу в прихожей, и набрал телефон своего сослуживца Руслана, ибо только он и мог прояснить мне вчерашний вечер и дать исчерпывающие ответы на столь волнующие меня вопросы. Но когда, после долгих гудков, в трубке ответил гулкий мужской бас, я первым делом сообразив, что это, возможно, некто близкий трепетному сердцу моего коллеги, чуть не положил трубку, боясь вызвать необоснованные подозрения и даже ревность, но всё-таки осмелился, плюнув на чужое счастье, и попросил к телефону Руслана. Мне, в довольно грубой форме, ответили, что таких в квартире не проживает, не проживало, и проживать ни в коем случае не будет, и убедительно красноречиво попросили более с данным вопросом не обращаться. Трубку, конечно, первым бросил «гулкий бас».

⁶ Вишну – верховное божество, хотя в более ранний период он был не так известен и не был верховным и популярным богом и считался всего лишь карликом, сопровождающим могучего Индру. Вишну составляет вместе с Брахмой и Шивой божественную триаду. Наряду с Шивой является самым почитаемым божеством индуистского пантеона. В виде Нараяны Вишну стал первым двигаться в космических водах, заполнявших всё пространство Вселенной и таким образом положил начало творению мира. Вишну изображают либо в виде ребёнка, сидящего на листе лотоса, либо прекрасным четырёхруким юношей, одетым в царские одежды и восседающим на тысячеголовом драконе Шеше, который плывёт по космическому океану.

⁷ Кама – в древнеиндийской мифологии бог любви (обычно изображается с шестью руками)

⁸ Айравата – повелитель слонов. В ведийской и индуистской мифологии слон, появившийся в начале творения, выступает также как принадлежность Индры.

Я сообразил, что с похмелья вероятность пальца угодить в не входящую в код номера цифру крайне повышена, и, тщательно сверяясь с бумажкой, на которой телефон Руслана был им собственноручно запечатлён, набрал снова.

Но и в этот раз трубку, будто ожидая звонка, схватил всё тот же гулкий бас, и произнёс в моё ухо такие слова, от которых у молодой романтической девушки случилась бы если не мгновенная смерть, то затяжная депрессия точно. Да мне и самому от них стало как-то не по себе, и я поспешно положил трубку, с твёрдым убеждением, что по этому номеру звонить больше не буду ни при каких обстоятельствах.

Однако удивительным был тот факт, что я неоднократно общался с сослуживцем своим Русланом именно по этому, только что дважды набранному номеру.

Тогда, уж не знаю зачем, я набрал телефон офиса, хотя понимал, что никого в офисе быть в это время не должно. Но, на удивление быстро трубку сняли, и я услышал доброжелательное женское «Алло?».

Но голос не принадлежал ни одной из женщин моей фирмы. Конечно, я понимал, что в столь бурные предпраздничные дни и работники телефонного коммутатора, вполне возможно, уже отмечали, а может, и отмечают в данную минуту, и им совершенно наплевать, что кто-то никак не может попасть к требуемому адресату. Но всё же: три раза кряду соединить неверно?..

Я, как можно деликатнее, осведомился, не попал ли я в офис фирмы «ИНДРА», на что услышал удивлённо-вежливое:

– Нет. Вы ошиблись.

Но, не желая сдаваться, я, придав голосу как можно более бархатистый тембр, уточнил все цифры номера, по которому звоню. И, уж совсем ничего не понимая, получил полное и бесповоротное подтверждение, что звоню именно по этому номеру, и что номер этот давно находится в полном распоряжении хозяйки частной квартиры, с которой я, собственно, и разговариваю. Я совершенно ошарашенно положил трубку, и молча уставясь в одну точку на полу, попытался сосредоточенно всё обдумать. Но ничего путного в голове не сложилось, а сложилась одна катастрофически пугающая мысль:

– А как же зарплата???

Я, лихорадочно одевшись, выбежал на улицу и помчался к ближайшему банкомату с зажатой в руке кредитной карточкой, на которую до этого необъяснимого дня исправно начисляли зарплату. По дороге я, чтобы хоть немного успокоить расшатанные, как высоковольтные провода ветром, нервы, вбежал в магазин, и на последние остатки обнаруженных в кармане смятых купюр купил маленькую плоскую бутылку дешёвого трёхзвёздочного коньяка, который и выпил за десять минут, потребовавшихся, чтобы добежать до банкомата.

Слава богам, банкомат работал, и я, снова ощущая в голове смутный алкогольный угар, вставил карточку в прорезь важнейшего из современных электронных устройств, набрал код и запросил, как можно осторожнее прикасаясь к сенсорам дисплея чуда техники, сколько денег имеется на моём счету. Мне кажется, что в томительном пятисекундном ожидании я называл чудесную машину нежнейшими словами, даже теми, которыми не одаривал никогда и любимых женщин, и даже есть подозрение, что вся моя жизнь промелькнула перед глазами, в предчувствии убийственного ответа.

Но вот экран моргнул, и я, открыв от изумления рот, увидел, что счёт мой не пуст. Более того, банкомат выдал такую заоблачную сумму, о которой я, пожалуй, умолчу, дабы не навлечь на себя зависть или ещё какие беды. Я протёр глаза, чтобы убедиться, что это не моё пьяное воображение рисует удивительные цифры. Но нет, всё было наяву. Тогда, я не медля ни секунды, снял со счёта максимально допустимую сумму и благодетельный банкомат незамедлительно мне её вручил. Я, подгоняемый каким-то странным чувством, которое, возможно, и не является добродетелью, повторив запрос, получил ещё одну порцию наличности. Оглядываясь по сторонам, я снова и снова выуживал из банкомата свою невероятную зарплату, навер-

ное, подсознательно страшась, что это всего лишь необъяснимая ошибка электронного мозга удивительного устройства.

Когда я понял, что наличности у меня столько, сколько я с трудом смогу донести до дома так, чтобы это не стало видно окружающим, я с отчаянием остановился и вытащил кредитную карту. Экран только что сделавшего меня богатым устройства моргнул, и дружелюбно поблагодарил меня за то, что я им воспользовался, что было крайне странно в данной ситуации, потому как я сам готов был, стоя на коленях, целовать его металлический торс. Я было развернулся, и вдруг заметил, как монитор померк, а потом, исказившись на секунду помехами, вновь включился и выдал яркую надпись.

Я приблизился и прочёл:

С цветами кораллового дерева, дерева каравира, гвоздичного дерева и
жасмином

От Богини в цветках лотоса и одеждах цветов карникары

От великой богини жены бога Шивы

Прими сие злато в награду за вечность

Зачатие сына неба и семя земного

Спасителя Индры

Сандаловым деревом, алоэ и ароматной смолой

Ибо руины неба из праха и пепла будут воздвигнуты

Сыном земли и неба Брахмапудрой⁹

Во благо всех

Перечитал ещё раз, и ничего не понял. Но понял одно, и понял ясно и точно: банкомат сам бы до такого не додумался. Но забивать себе голову непостижимыми загадками времени у меня не было. Тем более что деньги надо было поскорее уносить, и я, уж не знаю зачем, поклонился Банкомату, и, будто бы впад в какой-то минутный транс, из меня как-то сами собой вылетели странные строки:

О Бхагавати! Окулив ароматом алоэ,

Твои волосы, и гребешком их причесав

И ароматной водой обрызгав,

Золотыми нитями их я, полный почтения, украшаю.

Сказав это, я попятился от банкомата, вышел на улицу и побежал, что есть силы, домой.

На работе я с тех пор не объявлялся, и не звонил туда больше. И мне никто с работы не звонил. Имея свою кредитную карточку, мне, в общем-то, работать как-то не с руки. Думаю заняться международным туризмом: поездить по миру, посмотреть, что да как. Как люди живут, что делают вообще. Думаю, для начала съезжу в Индию, что-то меня последнее время туда неудержимо тянет.

⁹ Брахма, Брама – один из трёх высших богов брахманизма и индуизма, бог-творец, создатель Вселенной и её олицетворение и душа. Практически Брахма не является объектом культа. Брахма обычно изображается четырёхликим, четырёхруким, сидящим на лебедь.

Лунный синдром

Уже половина первого ночи. Дома все спят, и только Иволгин Максимка, двадцатипятилетний гражданин, лоботряс и бездельник, даже и не думает ложиться. Вчера было воскресенье, и Максимка естественно злоупотребил в кругу друзей. Мучительное похмелье отпустило только сейчас, и, проспав полдня, он снова бодрствовал среди ночи.

– Позвонить, что ли, Верке? – думал он, – Да хотя уже спит, наверное, она-то...

Максимка осторожно пробрался на кухню и закурил сигарету. Он открыл окно, и, высунав голову, стал наблюдать за неподвижной полной Луной. Сегодня Луна была необычайно огромной и притягательной, и такой яркой, какой Максимка её, пожалуй, ни разу и не видел.

– Эй, товарищ! – услышал он, и, вздрогнув, обернулся.

К огромному изумлению, на кухне, кроме него, никого не было.

Он поспешно выглянул в окно, сообразив, что это мог быть голос какого-нибудь соседа, проживающего сверху или снизу, а может, даже и справа, не говоря о том, что вероятнее всего голос мог доноситься из окна слева. Но, внимательно осмотрев все предполагаемые направления, Максимка не обнаружил никого и ничего, что могло бы служить источником услышанной фразы.

– Товарищ, вы не туда смотрите, – снова услышал он.

Теперь Максимка не на шутку напугался, потому что отчётливо понял, что обращается к нему... сама Луна.

Прекрасно понимая, что быть этого наяву не может, у него мгновенно созрело две всё объясняющие мысли. Первая – либо он спит, и вторая – либо он допил-таки до белой горячки, что ему неоднократно предрекала сердобольная матушка.

Максимка сосредоточенно прищурился, и, уставившись на Луну, попытался привести мысли в порядок.

– Фу, – произнёс он через какое-то время, немного успокоившись, – я уж думал, у меня крыша поехала.

– Может, и поехала, – задумчиво сказала Луна, придвинувшись немного ближе к окну, – я не сильно удивлюсь, если обнаружится, что это действительно так.

Максимку будто шарахнуло током: он яростно выпучил глаза, и колкие, тревожные мурашки пробежали по спине тысячами микроскопических насекомых.

– Слышь, чего говорю, товарищ... ты чего же это не спишь? – наигранно тревожно проговорила Луна.

– Кто, я? – хрипло ответил Максимка, и зачем-то покосился за спину.

– Именно ты, а кто ж ещё, я же с тобой разговариваю, – удивлённо качнулась Луна и присела на тёмное облако.

– М-мне не спится чего-то...

– Что ж... бывает, – улыбнулась она и, достав элегантным жестом сигаретку, прикурила от ближайшей звезды.

– Как тебя зовут? – спросила Луна, выпустив ровную белёсую струйку дыма, тут же растаявшую среди сияющих звёзд.

– Максимка, – ответил он, и тоже нервно затянулся дотлевающей до самого фильтра сигаретой. Противный вкус палёного фильтра обжёг горло, и Максимка лихорадочно закашлялся.

– Будь здоров, – пожелала Луна, – Значит, Максимка? Интересно. Впрочем, знакомство довольно приятное. А я Луна, – представилось в свою очередь ночное светило.

– Я знаю, – удивлённо ответил Максимка, и вдруг захотел заплакать: так ему стало жалко себя и свой рано слетевший с катушек мозг.

Луна, видно почувствовав это, громко чихнула и тут же предостерегла.

– Ты только это... не пугайся, всё нормально. Я не сделаю тебе ничего дурного.

– А... – догадался вдруг Максимка, – Я, наверное, сплю? Так ведь не бывает на самом деле, чтоб Луна разговаривала?

Луна улыбнулась и ласково погладила Максимку по голове.

– Ну почему же не бывает? Всё в этом мире бывает. Просто беседую я с людьми не так часто. Можно сказать, впервые. Да и потом: те с кем я беседую, не очень спешат об этом рассказывать.

– Но как же так? – снова удивился Максим, – Вы же планета... как вы можете говорить?

Улыбнувшись, Луна выдержала паузу.

– Ну, во-первых, я не планета, а скорее автономный исследовательский центр, да и во-вторых я не планета, а, как принято говорить у вас на Земле, спутник.

– Но тогда как же это может быть что вы живая? – не унимался Максимка, – Ведь американцы летали на Лу... на Вас...

– Ха... ха... ха... – рассмеялась Луна, – какие американцы, Максимка? Нет никаких американцев, да и не было никогда.

– Как это не было? – от волнения у Максима дёрнулось правое веко.

– Да вот так, – ответила Луна, и, затянувшись последний раз, щелчком швырнула окурок за горизонт. Выглядело это до жути красиво, – ты вот, к примеру, откуда об американцах знаешь?

– Ну... – задумался Максимка, – из телевизора, из газет... Да откуда и все...

– Понятно. А как ты думаешь, сколько лет существует Земля?

– Я не помню, – он растерянно почесал за ухом, – в школе проходили, но давно... Наверное несколько миллионов лет? – предположил он и виновато посмотрел на Луну.

– Земля существует ровно двадцать пять лет, три месяца, двенадцать дней, семнадцать часов и двадцать с небольшим минут... Ровно с того самого момента, как ты родился!

– То есть, как? – не понял Максимка.

– А вот так. Сложно мне будет тебе всё это объяснить, но попробую. Итак. Ты, наверное, полагаешь, что ты человек? Живёшь в мире, населённом такими же, как ты, людьми, мир этот огромный, удивительный и прекрасный. Утопической красоты флора, неповторимая фантастическая фауна, телевидение, компьютеры, автомобили, Интернет, наркотики, рок-н-ролл и так далее?

– Наверное, а как же ещё?

– А на самом деле, Максимка, всё это не больше чем твоя фантазия, причём фантазия больная, да ещё и прогрессирующая с каждым днем.

Максимку бросило в дрожь.

– Как так фантазия, что это Вы говорите такое?! – перепуганный Максим похолодел.

– Ты даже и не Максимка никакой, а совсем иное создание, – продолжала коварная Луна, – даже и отдалённо не похожее на человека. Мало того, что и похожим-то на человека быть просто невозможно,... так как нет таких существ в природе. Ты их сам и выдумал...

– Что вы такое говорите! – чуть не закричал бледный от страха Максим.

– Успокойся, всё нормально, я же тебе объясняю...

– Так, а кто же я?

– Ты? Ты существо высшего порядка, или, если пользоваться терминологией твоей фантазии, ты – БОГ.

– Я?

– Ну, что-то близкое к тому.

– Ну, это лажа полная, – немного успокоившись, ответил Максим, – если б я был Богом, я бы уж давно себе такую бы жизнь намутил...

– Не всё так просто, – задумчиво произнесла Луна, – в своей фантазии ты обычный человек, не наделённый никакими сверхъестественными возможностями. Дело в том, что однажды ты, или, скорее, то, чем ты на самом деле являешься, в силу некоторых причин, которые сейчас твоему пониманию недоступны, потеряло рассудок, если так можно выразиться...

Луна сочувственно улыбнулась.

– И, оборвав в результате этого связь с реальностью, твой разум создал новую, абсолютно бредовую, абсурдную реальность, то есть ту, в рамках которой ты сейчас и находишься.

Максимка пытался что-то понять, но у него ничего не вышло.

– Ты очень серьёзно болен, – продолжала Луна, – и поэтому я здесь. Я в действительности твой лечащий врач, пользуясь, опять же, твоей терминологией, и моя задача – найти способ излечить тебя.

– Я не пойму: кто же я тогда на самом деле?

Луна задумалась.

– Ну, хорошо, – произнесла она, – мы долго изучали мир твоей фантазии, и надо сказать, случай твой, вне всяких сомнений, уникален и крайне интересен. Многое нам до сих пор непонятно, и мы не можем найти причинно-следственные мотивы появления тех или иных персонажей и реалий твоего мира. Но, вместе с тем, всё вполне логично, хотя присутствует и некий сумбур...

Тут Луна на секунду задумалась.

– Впрочем, я отвлеклась. Итак, ты спросил: «Кто же я на самом деле?» Так вот – ты тот, кто создал Землю и звёзды, людей и животных, и всё, что существует. Беда в том, что существует всё это лишь для тебя самого, а ты сам в свою очередь являешься частью мира, который создал. Это замкнутый круг. Тем более осложняется всё тем, что мы не знаем, как действовать в рамках твоей реальности, потому что её законы и устройство не имеют ничего общего с реальностью настоящей – той, в которой ты должен быть.

– Интересно, – вдруг подумал Максимка, – получается, что я сам создал всю эту реальность, пускай она и бредовая для Вас, но для меня-то она не бредовая? И я вообще с трудом понимаю, о чём мы говорим... Так вот, исходя из ваших же слов... откуда вы сами знаете, что ваша реальность настоящая, а эта нет? Может, у вас там тоже всё кем-то придумано?

– Да, – закивала Луна, – интересная идея, но, к сожалению неверная.

– Это почему же?

– Потому что я здесь, – Луна подмигнула Максимке, – а могу быть и там. А ты там быть, увы, не можешь, по крайней мере, сейчас.

– Это не доказательство! – запротестовал Максим. – Я, например, полагаю, что просто сошёл с ума, иначе как может быть такое: разговоры с Луной?

– Всё верно, для твоего мира ты, как и для своего настоящего, сумасшедший. Но подумай сам, что было бы, если бы я явилось тебе в образе, скажем, другого человека? Ты бы поверил ему? Думаю, что нет... А так мы хотя бы немного, но нарушили правила твоего мира, давая этим тебе понять, что это правда. Хотя нам это, поверь, очень и очень сложно.

– Ну, не знаю... – засомневался Максимка, – вот если бы вы, например, по телевизору вдруг ко мне обратились... Идёт, допустим, какой-нибудь репортаж, и тут вдруг всё прекращается, и диктор начинает со мной говорить...

– Тоже верная мысль, – остановила Луна Максимку, – но не совсем. Дело в том, что в твоей фантазии индивидуальным разумом являешься только ты, другие люди лишь вымышленные персонажи, и для них наши вмешательства неощутимы. Теперь представь: ты смотришь телевизор в кругу семьи, вдруг всё прерывается, мы обращаемся к тебе, но кроме тебя, никто этого не видит, персонажи продолжают жить своей обусловленной правилами фантазии жизнью, а ты начинаешь метаться по квартире и тыкать в телевизор пальцем, доказывая нево-

образимые вещи. По всем законам твоей реальности, ты – сумасшедший, и место тебе в психушке. Так?

– Да... – призадумался Максим, – и что же мне теперь делать?

– Очень сложный вопрос. Структура твоего мира настолько сильна, что сам ты, да и мы, на данном этапе не в силах её разрушить.

– Но ведь я теперь всё знаю, допустим, я вам верю и всё такое...

– Ну и что? Это ничего не меняет, – вдохнула Луна, – это не даст тебе возможности нарушить правила своей фантазии...

– Так что же, что же делать-то?

– Мы полагаем, надо ждать. Возможно, всё закончится после так называемой «смерти». Вот тоже, кстати, феноменальное явление твоей фантазии. Никаких подобных явлений не существует в настоящей реальности. Жизнь вообще не имеет начала и конца. Это совершеннейший алогизм! Нелепица! Как такое могло поместиться твоему сознанию – величайшая загадка. Но вопрос сейчас не в этом. Мы склоняемся к тому, что «смерть» выведет тебя из состояния бреда.

– То есть вы хотите меня убить? – успокоившийся было Максим снова не на шутку испугался.

– Зачем? Мы никуда не спешим. У вечности нет границ. Сам умрёшь... наверное. По крайней мере, по всем правилам, тобой же придуманным, должен умереть. Впрочем, мы точно не знаем, а прогнозировать что-либо в твоём случае – занятие крайне неблагодарное. С другой стороны, глядя на сложнейшую цепочку процессов твоей фантазии, смерть может оказаться не финальным действием, а даже наоборот, ещё более сложной и прогрессирующей моделью.

Максим во все глаза уставился на Луну, и в полной мере ощутил на себе значение фразы «безысходная паника». Он уже не понимал, что с ним происходит, в голове вместо мыслей пульсировала живая поглощающая сознание каша из событий, слов, людей и образов. Всё, что с ним сейчас произошло, казалось нереальным, это просто не могло быть реальным! Говорящая Луна, придуманный им самим мир, настоящая реальность, бессмертие...

«Вот так сходят с ума», – подумал он и отключился.

* * *

– А что, это будет интересно, если оно сойдёт с ума относительно своего безумного, нелогичного мира, будучи уже сумасшедшим в реальности?

– Пожалуй...

– Ну что ж, тогда дождёмся следующего сеанса.

Деньги-денежки

Летним вечером по аллее парка, обдуваемый лёгким прохладным ветерком, прогуливался Иван Алексеевич Живожук. Возле одиноко стоящей под молодой осиной лавочки Иван Алексеевич остановился, и решил было присесть отдохнуть, как вдруг заметил валяющийся на асфальте кошелёк. Подняв находку, он обнаружил, что кожаный красавец прямо-таки набит деньгами. Иван Алексеевич присел и поспешно принялся деньги считать, и насчитал, к великой своей радости, 365 долларов США и 12 340 рублей.

– Однако, – подумал он, – совсем недурно!

До зарплаты оставалась ещё неделя, да и к тому же зарплата, откровенно говоря, была у Ивана Алексеевича маленькая, и даже можно сказать – жалкая: всего каких-то три тысячи рублей. Мысли вернуть кошелёк владельцу даже не возникло, да и, кстати сказать, никаких документов, указывающих на законного обладателя, в кошельке не нашлось, разве что записанный на использованном троллейбусном талончике телефонный номер.

Тут вдруг сзади Живожук услышал отдалённый истерический хохот, и, обернувшись, увидел, как из-под зелёных лип вырвался совершенно безумный гражданин. Он помчался, сломя голову, напрямик через кусты, и скрылся в аллее, где уже зажглись матовыми шарами фонари, вокруг которых, трепыхаясь, кружила насекомая гурьба.

– Идиот, – определил счастливец, и, спрятав находку в карман, поднялся с лавочки.

Радостный и счастливый Иван Алексеевич пошёл домой, а по дороге купил на радостях две бутылочки дорогого коньяка, который просто обожал, но позволял себе крайне редко. Дома Иван Алексеевич нарезал в тарелочку колбаски, сырку и лимончика.

– Непременно лимончика... – напевал Иван Алексеевич под нос, аккуратно раскладывая сырокопчёную колбаску вдоль краёв начисто вымытой тарелки.

Присев в кресло, Иван Алексеевич налил рюмку коньяка и блаженно выпил, не торопясь – так, как именно и следует пить настоящий коньяк.

– А всё-таки я везунчик, – сказал он вслух, и даже тихонько захихикал, тут же, впрочем, взяв себя в руки.

Он вытащил на свет находку и с наслаждением принялся рассматривать подаренные судьбой купюры. На коньяк ушло ровно 1 240 рублей: каждая бутылка стоила шестьсот двадцать, это Иван Алексеевич отчетливо помнил. Но теперь, пересчитав деньги, он был крайне изумлён и растерян – сумма оставалась прежней: триста шестьдесят пять долларами и двенадцать тысяч триста сорок рублями.

– Как же я так посчитал? – удивился он.

Но, как ни крути, ошибка такого рода была на удивление приятной, и с ещё большим энтузиазмом Иван Алексеевич выпил за это коньячку. Деньги он сложил обратно в кошелёк, и уютно поворочавшись в кресле, задумался: что бы такое ему купить?

«Куплю, пожалуй, новый костюм – он налил ещё рюмочку, аккуратно выпил и закусил тоненькой долькой лимона, – да, да, костюм! И туфли, и ещё... ах, ну, конечно!»

Тут Иван Алексеевич вспомнил, что совсем недавно одалживал у соседа пятьсот рублей. Вернуть деньги раньше, чем через неделю (а то и две), он никак не рассчитывал, но теперь проблема отпала сама собой. Он вытащил из кошелька розоватую купюру и отправился к соседу. Время было ещё не позднее, и, к тому же, Иван Алексеевич прекрасно знал, что сосед ложится глубокой ночью, и сейчас, естественно, не спит, да и вообще любому приятно получить долг раньше обещанного времени.

– Добрый вечер Семён Фёдорович, – поздоровался он, когда ему открыли дверь, – вот, принёс должок.

Иван Алексеевич протянул соседу деньги.

– А-а, – как будто бы удивился Семён Фёдорович, – я уж и забыл, – соврал он.

«Ты-то забудешь», – подумал про себя Живожук, а сам сказал, – У меня дома есть отличный коньячок, – он сделал паузу, – так что прошу...

Сосед Ивана Алексеевича выпить любил, а уж тем более в гостях, за чужой, что называется, счёт, но согласиться сразу как-то не решился.

– Да я... понимаешь, Иван Алексеевич, тут... это... собирался...

– Пойдём, пойдём, – перебил тот его.

Семён Фёдорович нервно покусал нижнюю губу, и, изобразив на лице нечто среднее между испугом и удивлением, ответил:

– Иду. Только накину что-нибудь.

Придя домой к соседу, Семён сел за столик в комнате, а хозяин пошёл за второй рюмкой на кухню. Гость огляделся, с присущей ему от рождения подозрительностью, и, моментально сообразив, что что-то произошло, загорелся нетерпеливым любопытством. Иван Алексеевич в этот момент вернулся с только что вымытой рюмкой, и налил себе и соседу коньяк.

– Ну, рассказывай, – прищурился Семён Фёдорович, – что за праздник у тебя?

Иван, конечно, не собирался рассказывать историю вечерней прогулки, но объяснить появление дорогого напитка как-то было нужно, только он не знал, как.

– Да ничего, собственно, такого не случилось.

– Ну, не ври, – улыбнулся сосед.

– Да говорю же ничего, так... получил неожиданно премию.

Иван Алексеевич присел напротив Семёна.

– Лучше давай выпьем.

– Ну, давай...

Соседи выпили. Коньяк был действительно отличный, и Семёну сразу же захотелось ещё.

– Давно такого не пил, – сказал он, покосившись на бутылку.

Иван Алексеевич, поймав жадный взгляд соседа, потянулся к коньяку, и, наполнив рюмки, сделал пригласительный жест. Семён, облизнувшись, поднёс напиток к губам и выпил, округлив глаза на полированный сервант соседа, где ярко отражалась трёхрожковая люстра.

– Дорогой коньяк?

– Стоит прилично.

Оба замолчали. Иван Алексеевич, потребивший в два раза больше Семёна, почувствовал расслабляющую члену негу, и, растёкшись в кресле, блаженно смотрел на столик. Его сознание наполнилось какой-то необыкновенной умиротворённостью и уверенностью в завтрашнем дне.

– Много дали? – поинтересовался Семён Фёдорович, и глаза его заблестели, как два ёлочных новогодних шарика.

– Чего? – не понял Живожук.

– Премия-то большая?

– А... – опомнился Иван Алексеевич, – немаленькая, – витиевато ответил он.

– Ишь, ты! А по какому случаю? – не отставал Семён.

«Это неприлично просто! – возмущённо подумал Живожук, – Клещ какой-то, а не сосед».

– Юбилей предприятия. Тридцать пять лет. Годовщина, так сказать... – соврал первое попавшееся Живожук.

– Сколько дали-то? – обнаглел настырный Семён.

Иван Алексеевич прикинул в уме, сколько по нынешнему курсу будет триста шестьдесят пять долларов. У него получилось что-то около десяти тысяч. Вообще-то ему очень хотелось похвастаться перед соседом, и, улыбнувшись, он сделал паузу, наклонился к столику, разлил по новой порции коньяка, и выдал:

– Двадцать две тысячи!

От услышанной цифры у Семёна тут же засосало слева под сердцем, а уши предательски раскраснелись. Ему сразу сделалось завидно, но, чтобы не показать этого, он постарался улыбнуться. Надо признаться, вышло у него это несколько нелепо, так как остальные мышцы лица, напротив, окаменели, если не сказать, что трагически обвисли, и улыбка смотрелась на лице подобно ленточке с пожеланием долгой и счастливой жизни на гранитной кладбищенской плите.

– Поздравляю, – произнёс Семён пересохшим горлом.

Иван Алексеевич, пребывая в эйфорическом состоянии душевного и материального подъёма, даже не заметил, какой удар только что неосторожно нанёс соседу.

– Спасибо Семён, – добродушно поблагодарил он. Подчиняясь неведомому порыву, Иван Алексеевич полез в карман и достал найденный бумажник. Семён, сглотнув вставший в горле комок ненависти к счастливчику, ухватился за рюмку и во все глаза уставился на появляющиеся перед ним из недр соседского кошелька купюры.

Иван Алексеевич гордо разложил на столе денежные знаки, и, улыбаясь, смотрел то на них, то на Семёна, у которого на лбу выступили напряжённые капельки пота. Надо сказать, что Семён Фёдорович, так же, как и Иван Алексеевич, большой зарплатой не отличался, но деньги любил преданно и страстно. Особенно соседа заинтересовали американские доллары, которые он периодически видел в кино и газетах, но сам лично никогда не имел чести наблюдать «в натуре».

Семён выпил, и с тоскливой завистью посмотрел на соседа.

– Вам что, в долларах теперь платят? – спросил он.

– Да нет, – рассмеялся неслыханно разбогатевший сосед, – это я чтобы отложить, разменять, – на ходу соврал он.

– Копить будешь?

– Да! – уверенно кивнул Иван Алексеевич.

Живожук с нескрываемым восторгом несколько секунд созерцал разложенное на столе богатство. Налюбовавшись, он нашарил опустевший кошелек, и, собрав аккуратно купюры, открыл его, намереваясь всё сложить обратно.

Но, когда Иван Алексеевич заглянул в несколько минут назад опустошённый кожаный подарок судьбы, он открыл от неожиданности рот и три раза быстро моргнул.

– Что такое? – встрепенулся наблюдательный Семён Фёдорович.

Иван Алексеевич не знал, что ответить. В кошельке уже лежали деньги, и на беглый взгляд их было немало, не одна-две, может быть, случайно забытые бумажки, а больше. Много больше.

– Ничего, – испуганно ответил Живожук, – и, быстро закрыв кошелёк, сунул его в карман брюк. Деньги со стола он положил в другой карман, и, нервно потрогав свой лоб, схватил рюмку коньяка и выпил.

– Что с тобой? – удивленно впился взглядом в соседа Семён Фёдорович.

– Что-то мне нехорошо...

У соседа на миг возникло в голове такое видение: Живожук замертво падает, а он выхватывает у него деньги и скрывается, никем не замеченный.

– Может «скорую»? – спросил он участливо, но по его облику можно было понять, что никакую «скорую» он вызывать не станет.

– Нет-нет, – тревожно потя, ответил Иван Алексеевич, – ты погоди, я сейчас...

Он встал, и, выйдя из комнаты, нырнул в уборную. Там он достал находку, и аккуратно, словно сохраняющий деньги предмет мог взорваться, открыл. Да, наличность лежала в нём чудесными лепестками, словно никто её оттуда и не вынимал. В то же самое время в кармане брюк Живожук тревожно ощущал извлечённые ранее купюры.

– Чертовщина, – выдохнул он.

Достав деньги из кошелька, Иван Алексеевич убедился, что внутри не осталось ничего, кроме троллейбусного талончика с телефонным номером. Он спрятал загадочный бумажник в карман и пересчитал деньги. Сумма была в точности той же – 365 долларов и 12 340 рублей.

– Феноменально! – он не знал, что делать: то ли радоваться, то ли горевать. Хотя горевать-то отчего? Деньги ведь!

– Иван! – донеслось из комнаты, – Ты там живой?

Живожук, опомнившись, что дома у него посетитель, пустил фальшиво воду из бачка, и, спрятав деньги, вышел.

– Всё нормально, – ответил он, появившись в комнате.

Но проницательный Семён Фёдорович ясно видел, что ничего не нормально. Живожук сиял непонятным возбуждением, глаза его бегали, и руки, спрятанные в карманы брюк, механически перебирали что-то, в неподвластных зрению соседа недрах.

– Будем пить-то, или всё? – спросил он хмуро.

– Да ты наливай, я что-то себя чувствую не очень... А хочешь, – вдруг оживился хозяин, – бери бутылку себе!

Такой неслыханной щедрости Семён в соседе не наблюдал никогда. И сразу в нём вспыхнула крайняя подозрительность.

– Всю бутылку?

– Да! А я спать лягу...

– Спать? Ну, как знаешь, – тут Семён так хитро посмотрел на карманы Ивана Алексеевича, что тот даже дёрнулся.

– Чего? – спросил он, распахнув испуганно глаза.

– Да нет... ничего... – задумчиво прищурился тот, поднимаясь.

Сосед и впрямь не преминул воспользоваться широким жестом хозяина, и коньяк, уходя, забрал, но Живожук об этом уже не думал. Он думал о другом.

Захлопнув за гостем дверь, Иван Алексеевич кинулся в комнату и выдернул из кармана кошелек. Открыв его, он побледнел. Тот снова был полон деньгами.

– Я так и знал! – воскликнул Живожук и выпотрошил купюры на пол.

Те плавно разлеглись на ковре, ослепительно сияя в лучах люстры, словно сказочные осенние листья, отражающие бриллиант восходящего солнца.

Всю ночь Иван Алексеевич не спал. Он извлекал из найденного бумажника деньги. Живожук обнаружил, что валюта и рубли появляются во чреве кожаного чуда сразу после того, как его плотно закрывают. Конечно, механизм, отвечающий за такую небывалую способность синтеза богатства из ничего, Живожуку постичь было не по силам. Но он этим и не утруждался.

Не смыкая глаз, он снова и снова вытряхивал из кошелька ценные бумажки, сумма которых всегда была одна и та же – 365 в долларах и 12 340 в рублях. Затем закрывал его, встряхивал и снова открывал, выплёскивая новую порцию.

К утру перед неустанным Иваном Алексеевичем высилась такая гора банкнот, что, думая о перспективах, открываемых ею, счастливчик заходил с умом, как сумасшедший, постигший суть бесконечности Вселенной.

Теперь ему подвластно было всё. Любое желание было осуществимо. Все ценности мира – бриллианты, женщины, автомобили! Да что там автомобили... Яхты и воздушные суда были теперь в полном его распоряжении! Он мог купить всё! Ведь бумажник, и это было очевидно, являл собой неистощимый, вечный источник! Живожук даже не желал считать, сколько он извлёк из волшебных кожаных глубин. Наверное, речь шла о миллионах!

– Ну, ничего, – бормотал себе под нос внезапный богач, – скоро пойдут миллиарды! Скоро я всем... Всем покажу! – и косился в сторону входной двери, опасаясь, как бы проницательный сосед не прознал о его открытии.

И утром не лёг спать Живожок, хоть и устал крайне, а кисти рук болели ужасно от однообразных манипуляций. Только к середине дня, когда пол в комнате стал напоминать взорванное воздушной бомбой деньгохранилище, он соизволил сходить на кухню и съесть кусок колбасы с бородинским хлебом. Хлеб был чёрств и проглатывался с трудом. Это обстоятельство вдруг взбесило негаданного обладателя миллионов.

– Позвольте! – возмутился Иван Алексеевич, – Да что это я, в самом деле? Теперь я могу питаться, как принц! Как, чёрт меня подери, арабский шейх!

Он, возбуждённый, с горящими глазами, пошёл в комнату, зачерпнул увесистую горсть денежных знаков, и, нырнув в туфли, очутился у двери.

«Но как же это оставить, – оглянулся он. Из комнаты, словно застывшая океанская волна, выплеснулись разноцветьем бесценные богатства, – вдруг если кто... проникнет?»

Живожок резво принялся заматывать обратно в комнату купюры и когда, наконец, ему это удалось, захлопнул межкомнатную дверь на щеколду.

– На долго отлучаться нельзя! – решил он, и, открыв как можно тише дверь, проник в коридор. Миллионер не стал вызывать лифт, а на цыпочках, словно вор, совершивший грабеж, начал спускаться по лестнице. В коридоре было тихо, и Иван, радуясь, что так славно отлучился, никем не замеченный и не встреченный, хитро улыбался, как вдруг...

– Ну, как ты? – погудел голос позади Ивана Алексеевича, – Полегчало?..

Живожок встал, приросший к кафельной плитке, как спринтер на старте, приподняв подошву для шага, да так и не успев ступить.

– А говорил, копить будешь! – ехидно проскрежетал голос. Тут Иван повернулся и увидел вчерашнего гостя, вышедшего курить вне квартиры. Не заметил он его раньше оттого, что тот, вероятно, прятался возле лифтов, куда, конечно, Живожок не заглядывал.

– А? – пугливо отозвался скоростистый богач.

– Я говорю, ты копить собирался, а сам вот... – и сосед уставился наглыми глазами на Живокову пятерню, в которой была зажата громадная денежная горсть.

Иван Алексеевич сам, словно впервые увидев, что несёт, вопросительно уставился на банкнотный комок.

– Премия значит, – закивал Семён саркастически, и безумно разбогатевший Иван увидел, как у того с виска скатилась по щеке крупная капля пота, сверкнув ледяной искрой.

– Ппп... реммм. ммия, – ответил Живожок, пытаясь спрятать предательские деньги в карман. Но те не лезли, и некоторые, особо шатко держащиеся лепестки, даже исхитрились упасть на пол.

– Давай-ка я тебе помогу, – прохрипел сосед, приближаясь.

Сердце Ивана Алексеевича сжалось, и он вмиг похолодел, предчувствуя что-то ужасное. Но ничего такого не случилось. Сосед поднял упавшие купюры и протянул недавнему своему должнику, заглянув ему в глаза так, как, должно быть, сексуальный маньяк заглядывает в спальню молоденькой девушки, когда та ещё спит, обнажённая случайно сползшим одеялом.

– В магазин идёшь? – шёпотом спросил Семён Фёдорович.

Живожок только закивал в ответ, не в силах сказать ни слова. Он принял выпавшие бумажки из соседских рук, и механически сунул в карман.

– Давай, давай... Богатей... – и, развернувшись, Семён неслышно скрылся за дверью своей квартиры.

Минут пять Живожок стоял в коридоре, не смея пошелохнуться, и самые разные мысли терзали его. Потом он, опомнившись, распахнул по карманам деньги, и ринулся магазин. В магазине ему стало жутко. Ивану казалось, что каждый покупатель, каждый продавец знает его тайну, и это нервировало и пугало внезапного счастливого до колик в животе. Накупив всего, что попало под руку, и не получив от шопинга никакого удовольствия, он примчался домой и заперся на ключ.

Притаившись, Живожок с полчаса всматривался в глазок и ожидал чего-то скверного. Но ничего скверного не случилось. Тогда он метнулся в кладовку, разрыл хозяйственный хлам, скопленный за долгие годы холостяцкого существования, и нашёл то, что искал...

Зелёная масляная краска, купленная несколько лет назад для ремонтных нужд, загустела, став консистенцией почти как сметана. Ворвавшись в комнату, Иван Алексеевич принялся мазать краской оконное стекло. Когда работа была закончена, он поверх стекающей слезами с гладкой поверхности маслянистой жижи наклеил рекламных газет. В комнате тут же сделалось зловеще темно. А от краски совершенно невозможно стало дышать.

– Ага! Вот так! Вот так-то! – возликовал обладатель бездонного бумажника, – Теперь никто... хоть глаз выколи!

Дальнейшие двое суток, практически не прерываясь на сон, Живожок выуживал из кошелька деньги, складывал в пачки, обматывал тесёмками – и штабелями складировал в замаскированной от чужеродных взглядов комнате. Когда свободное пространство закончилось совсем, Иван Алексеевич прижал двери в комнату досками и заколотил гвоздями. Дальше он действовал так: вытащив весь хлам с антресолей, заполнил деньгами и их. После Живожок набил до отказа ванную комнату, шкаф в прихожей, кухонный гарнитур «Мастерица», кладовку, и все места в квартире, которые были способны вместить хоть что-либо объёмное. Ненужные более вещи Живожок выносил на улицу и скидывал в мусорный бак. Так он заполнил деньгами всю квартиру.

Ночью, на пятый день после находки волшебного бумажника, когда все жильцы спали, Иван совершил десант на улицу, имея при себе совковую лопату и тяжелейшую сумку, набитую чудесными купюрами. Сумку Живожок зарыл на заднем дворе возле коллекторной будки.

Шёл десятый день обогащения. За это время Живожок ни разу не удосужился побриться, нормально поспать и полноценно поесть. Все гигиенические процедуры он делал урывками, боясь потерять драгоценное время. Питался всухомятку, паче что и плита и холодильник также таили в своих недрах банкноты. Всю энергию и силы Иван Алексеевич тратил на выемку денег из кошелька и их сохранение. Пальцы его, от непрерывного взаимодействия с неисчерпаемым кожаным чудом, стали крючковаты и распухли, глаза слезились и под ними образовались тёмные мешки. Но на это миллиардер (теперь уже) Живожок внимания не обращал.

К концу месяца у Ивана Алексеевича имелась на руках странная, но, несомненно, бесценная карта местности того района, где он проживал. Каждое, хоть чуточку укромное место было помечено на ней крестиком с указанием веса и глубины. Но и это Ивану не помогало. Его терзали страхи богатство потерять, а теперь начали мучить ночные кошмары, во время непродолжительных уходов в сон. То снилось ему, что кошелёк украден ворами, то виделось, что все деньги вдруг неведомым образом испаряются, оставляя вместо себя мерзких и жирных белых опарышей. А однажды приснилось, что сосед Семён, узнав тайну кошелька, написал об этом в газету «Труд», и на квартиру Живожука заявила проверочная комиссия во главе с участковым милиционером и собакой породы такса, которая гавкала человеческим голосом:

– Где хранишь миллиарды, жучара?!..

А участковый ей подсказывал:

– Карта у него. А ну-ка, фас! Ищи! – и такса кидалась на Ивана и кусала больно за пальцы, а другие члены комиссии, среди которых мелькал и завистливый сосед, украдкой таскали из шкафов и полок денежные пачки.

Просыпаясь, Иван Алексеевич вскакивал и проверял: целы ли деньги. И, убедившись, что целы, продолжал вынимать всё новые и новые из нескончаемого кожаного жерла. При этом он, имея взгляд совершенно сумасшедший, напевал себе под нос:

– Деньги-денежки, деньги-денежки... ой, да деньги-денежки, денежки мои!..

Бережно гладил купюры, словно те были ласковыми зверьками, а некоторые даже целовал, хищно озираясь по сторонам.

В один из дней, грязный, заросший сиреневой щетиной Живожук услышал звонок в дверь. Он подскочил, как ошпаренный, и тихо прокрался к глазку. На пороге стоял сосед Семён, переминаясь с ноги на ногу, словно дожидаясь очереди у биокабинки на оживлённом проспекте.

– Чего? – спросил, не открывая, Живожук, и сам не узнал свой голос.

– Слышь, сосед, – прижавшись к щели, взмолился Семён Фёдорович, – выручи а? Дай тыщу до получки!..

Живожук от такой просьбы словно в прорубь нырнул. Ему стало холодно и жутко.

– Что ты! Что ты! – испугался он так, будто его просили прыгнуть с крыши, – Нету у меня! Ни копейки нету!

– Да я верну, – не отставал сосед и шурился слепо в глазок.

– Откуда, ты что? Где же взять? Нету денег, богом клянусь! – задрожал Живожук, не зная, куда деться.

– Не видать тебя давно, – вещал назойливый сосед, – и окна все в краске. Что ты там затеял-то?

– «Вот собака!» – думал Иван Алексеевич, а сам отвечал, – Ремонт у меня. Ремонт! А денег нету!

– Может, выпьем по-соседски? – предлагал липучий Семён, – Коньячку?

– Не пью я. И денег нет!

Сосед, постояв ещё с минуту у двери, ушёл, а Живожука словно током пробило озарение. Он понял, что поможет ему сохранить всё!

– Звонок! Телефонный номер! Вот в чём дело! – выудив из брюк бумажник, он извлёк трамвайный талончик с номером и посмотрел внимательно. Семизначный номер, без кода города, был на нём.

– Московский! – определил Иван Алексеевич, и, дрожа, принял в руки трубку.

Он, тщательно сверяясь с бумажкой, набрал, и услышал вместо гудка – звонок. На кухне надрывался второй спаренный телефон, который звонить сейчас никак не мог. Иван испуганно дал отбой, однако телефонная трель не прекратилась.

– Не подойду! – решил Живожук. Но телефон звонил, не умолкая. Он разламывал голову, и совсем некуда было деться от настырного сигнала. Спустя десять минут мучений, когда звонок, точно сверло, впился в мозг, и уже начал дробить сознание, обезумевший Иван подлетел к трубке.

– Аллё? – спросил он с замершим сердцем.

В трубке слышалась возня. Казалось, будто кто-то на том конце пытается выхватить у противника трубку.

– Аллё, говорите! – просипел непомерно обогатившийся, и тут услышал тонкий издевательский голосок:

– Деньги-денежки, деньги-денежки... ой, да деньги-денежки, денежки мои!.. – пропел гадкий фальцет, и связь оборвалась.

– Это Семён! Падла! – решил вдруг Иван Алексеевич и заметался по кухне, спотыкаясь о коробки и пакеты, набитые деньгами.

Он понял, что с соседом надо что-то сделать, иначе тот уничтожит его!

Спустя три дня, вечером, когда над Москвой в синем небе уже обозначились звёзды, но сумерки ещё не возымели над городом власть, Иван Алексеевич Живожук крался подворотнями, выслеживая одиноко прогуливающегося Семёна Фёдоровича. Сосед шёл безмятежный, в приподнятом состоянии духа, и о чём-то мечтал. Грязный, заросший щетиной, с нематыми клоками волос Живожук, воспалёнными глазами попавшего в героиновую зависимость проследил, как Семён уселся на пустую скамейку в сквере, и, закрыв глаза, разомлел. Веро-

ятно, намеревался дремать. Тихо подкравшись сзади, Иван встал над соседом, занёс над головой его руку, и что-то тёмное зловеще мелькнуло в ней...

Семён Фёдорович очнулся, услышав тихий шлепок. Он распахнул глаза и увидел пухлый предмет, упавший возле ног. Нагнувшись, он поднял его. Это был кошелёк. С замиранием сердца, открыв находку, Семён увидел, что тот прямо-таки набит деньгами. Тут позади себя он услышал шорох, и, обернувшись заметил удаляющийся скрюченный силуэт. Безумный, нечеловеческий хохот разливал по скверу убегающий неизвестный.

– Идиот! – крикнул вдогонку Семён, и, спрятав бумажник в карман, вскочил с лавочки и поспешил домой...

Свободное время

Около двух часов дня, в палящем зное города, изнывая от жары, неспешной вялой походкой брёл по улице худощавый молодой человек. Звали его Илья Мураев. Молодой человек нёс в руках пластиковую бутылку минеральной воды, из которой то и дело жадно глотал прохладную влагу. Зелёная лайкровая майка на нём была влажной от пота, и вообще весь его вид источал такую усталость и измождённость, что могло показаться, будто он всю ночь разгружал фуры, набитые пудовыми грузами.

Однако это было не так.

Никаких погрузо-разгрузочных работ Мураев не совершал. Мало того, он вообще не совершал никаких работ ни вчерашней ночью, ни позавчерашней, ни днём, ни вечером, ни за неделю до этого и даже месяцем раньше.

Илья Мураев просто-напросто нигде не работал. Нет, он не был инвалидом, или необразованным неучем, неспособным никуда устроиться: он элементарно не желал трудиться. Илья был ленив, вял на подъём и во многом инфантилен. Однако его неустойчивое финансовое положение не раз наталкивало сознание на размышления о работе. И он её медленно, с неохотой, но всё-таки искал. Мураев, как и всякий бездельник, мечтал найти работу такую, чтобы времени и сил она отнимала совсем немного, а денег приносила огромное количество.

Илья дошёл до металлической скамейки, выгодно расположенной под развесистым клёном, присел на неё и, закулив сигаретку, начал созерцать улицу. Илья скучал. Делать было нечего, а денег в карманах столь мало, что хватило бы разве на бутылку не самого лучшего пива. Илья вздохнул, допил минералку и зашвырнул опустошённую тару на зелёный, аккуратно постриженный газон.

Не зная, чем себя занять, Илья принялся вертеть головой по сторонам, напоминая при этом грифона, обколотого снотворным, и увидел вдруг на фонарном столбе, рядом со скамейкой, трепыхаемое лёгким ветерком объявление с крупным заглавием: «Работа для всех!»

Мураев поднялся, и медленно, будто нехотя, подошёл ближе. Текст рекламы гласил:

Работа для всех!
ЗАО «РАДОСТЬ»
Свободный график. Почасовая оплата
Мы покупаем ваше свободное время
Звоните!

Илья задумчиво почесал щёку и оторвал язычок с телефонным номером. Сев обратно на скамейку, он достал мобильник и набрал номер. Удивительно, но трубку сняли после первого же гудка.

– Компания «Радость», добрый день, – поприветствовал приятный женский голос.

– Здравствуйте, – проговорил Илья с такой интонацией, будто не он вызывающий абонент, а наоборот, его разбудили неожиданным звонком в три часа ночи, – я по поводу объявления... о работе...

– Очень хорошо, задавайте вопросы, я с удовольствием вам отвечу, – любезно пригласила девушка.

– Вот тут в объявлении написано: свободный график... – начал он, но на другом конце его сразу перебили.

– Это означает, что своё рабочее время вы планируете сами. Минимальный срок работы в нашей компании один час.

– Один час... Это шутка?

– Нет, – ответил деловой, серьёзный голос.

– А что нужно делать?

– Ничего, – был ответ.

Илья удивился неопишимо.

– Как это ничего?

– Совершенно ничего, – без доли юмора ответила девушка.

– И сколько я заработаю, ничего не делая, за один час? – иронично осведомился Мураев.

– Расчётный час – шестьсот рублей. Если вас это интересует, записываете адрес...

– Диктуйте! – мгновенно решился он.

С удивлением Илья узнал, что офис компании «Радость» находится в центре города, где-то в недрах недавно построенного зеркально-металлического десятиэтажного здания. Поговаривали, что здание станет крупнейшим в городе бизнес-центром. Сосредоточием интеллектуально-финансовой элиты. Мураев, проехав две остановки автобусом, вышел и направился к главному входу строения. Пройдя в прохладный кондиционированный холл, Илья увидел стойку ресепшен, и, проделав к ней путь, обнаружил за стеклянной перегородкой миловидную девушку в белой рубашке и тёмно-синем жакете. Больше всего она напоминала стюардессу. Волосы её были забраны в своеобразный пучок, а на груди сверкала золотом тонкая полоска-бейдж. Что было на нём написано, Илья не рассмотрел.

– Здравствуйте, я бы хотел попасть в офис компании «Радость», – произнёс Мураев интонацией человека, замученного тяготами жизни.

– Вы пришли по адресу, – улыбнулась девушка, – Это и есть офис нашей компании.

Она обвела взглядом грандиозное помещение, давая понять, что имеет в виду весь архитектурный объект.

– Это всё? – удивился Илья, – Всё здание?

– Совершенно верно.

«Крутая контора» – радостно подумал соискатель.

– Я на работу пришёл устраиваться, – пояснил он, – куда мне идти?

– Вижу, вы у нас впервые, – доброжелательно осмотрела клиента девушка, – Пожалуйста, поднимайтесь на третий этаж, и проходите в зал триста первый. Там вам всё объяснят и покажут, – она указала молодому человеку в сторону лифтов и нежно улыбнулась.

– Мне по телефону сказали, – доверительно наклонился ближе Мураев, – что работать как бы не надо. Ну, то есть ничего не нужно делать... это правда?

– Действительно, в известном смысле этого слова, вам ничего не нужно будет делать.

– А в чём подвох? – Мураев изобразил подозрительный вид.

– Подвоха нет. Поднимайтесь на третий этаж и всё увидите своими глазами.

Илья задумчиво покусал губу, постоял с минуту, размышляя, что бы ещё спросить, но, так и не придумав, поблагодарил девушку и направился к лифту.

Поднявшись на третий этаж, он увидел длинный, выстеленный ковром, пустынный коридор, и, медленно ступая по ворсистой поверхности, направился в глубь него.

Первая же дверь, попавшаяся Илье на глаза, имела табличку «зал 301».

Мураев постучал, и, не дождавшись приглашения, вошёл. Взгляду его предстала небольшая комнатка, более всего напоминающая фойе кинозала. С высокого потолка свисали плотные бархатные кулисы, а возле них за миниатюрным изящным столиком сидела в кожаном кресле молодая красивая брюнетка. Одета она была в точности, как блондинка на ресепшене: жакет и рубашка. Ещё на ней были элегантные чёрные брюки и туфли на высоком каблуке. Увидев Мураева, красавица улыбнулась, и указала на стул напротив себя.

Мураев осторожно приблизился и почувствовал, что ему снова становится жарко. Только вызвано это было вовсе не жарой. Комната, как и холл, была насыщена приятной отрезвляющей прохладой. Так и хотелось остаться здесь до самого вечера, переживая с очаровательной её хранительницей палящий летний зной.

– Здравствуйте, я по поводу работы, – Илья устроился на стуле и стушевался, видя перед собой столь соблазнительную сотрудницу.

– Добрый день, – ответила брюнетка, снова ослепительно улыбнувшись, – Вы у нас впервые... – сказала она скорее утвердительно.

– Да, – согласился он, пытаясь сделать вид, что ему вовсе неинтересно созерцать идеальные формы красавицы, выгодно подчеркнутые деловым костюмом.

– Вот, возьмите, пожалуйста, это, – она, словно не замечая пытливого взгляда соискателя, вытащила из ящика стола браслет голубоватого цвета, – наденьте на руку. Каждый час «маркер» будет оповещать вас. Надеюсь, вы знаете, что минимальный срок работы в нашей фирме один час?

– Знаю, – кивнул насторожённо Илья.

– Наша компания – одна из крупнейших в мире, – доверительно оповестила брюнетка, – надеюсь, вы станете нашим постоянным сотрудником.

– Я тоже на это надеюсь, – Илья сухо сглотнул. Он всё никак не мог понять, что здесь происходит. Тишина, покой, никаких хмурых охранников, никакой рабочей суеты. Одни молоденькие, любезные красотки. Всё это никак не вязалось с привычными образами работы в крупной компании.

– Очень хорошо, – тут девушка аккуратно застегнула на запястье Ильи браслет, слегка коснувшись его кожи своими бархатистыми пальчиками. От этого прикосновения Мураев тут же потерял начавшую было нарастать тревогу, – Проходите в зал и садитесь на любое удобное место...

– А что я должен делать?

– Абсолютно ничего. Мы платим за ваше свободное время.

– То есть, вы уже приняли меня на работу? – изумился Мураев.

– Конечно.

– А... как же...

– Ничего этого не нужно, – успокоила девушка, – Проходите и приступайте к работе.

Она поднялась с кресла, отодвинула штору и впустила Мураева в зал. Илья сначала и впрямь подумал, что попал в кинотеатр, и сейчас будут демонстрировать фильм. Однако этого не случилось. Хоть зал и имел невероятное сходство с местом, где люди погружаются в вымышленные миры, в нём не было главного. Экрана. Зато имелись длинные ряды кресел. Правда, расположены они были концентрическими кругами, по всему периметру удивительного помещения. Всё это напоминало какой-то закрытый парк отдыха.

Илья сел в одно из кресел с краю, с удовольствием отметив про себя, что удобством оно обладает колоссальным.

«Должно быть, такими же креслами оборудуют лучшие гоночные автомобили», – подумалось ему. Упругое и в то же время мягкое сиденье мгновенно реагировало на изменение положения тела, принимая соответствующую комфортную форму. Илья с удовольствием поёрзал в нем и уже спустя минуту блаженно разомлел.

Привыкнув к полумраку, он увидел, что зал совсем не пуст. Ещё несколько человек, так же, как и он, растянулись в креслах и лежали, ничего не делая. Кто-то созерцал потолок, кто-то вертел изредка головой, наблюдая за другими «работниками». Конечно, рассмотреть подробно, кто эти люди, Илья не сумел. Да это его сейчас и не интересовало.

– Тут все, наверное, такие же, как и я, новички, – догадался он.

Сначала ему было скучно, и он, всё ещё находясь под впечатлением от встречи с прекрасной работодательницей, принялся воображать обстоятельства, при которых у него с ней могли бы возникнуть романтические отношения. Потом Мураев вертелся в кресле, испытывая его удивительные качества, потом с досадой вспомнил, что забыл узнать, можно ли курить на рабочем месте, и вдруг с величайшим облегчением увидел вдалеке мерцающий огонек. Кто-

то из «сослуживцев», не страшась увольнения, курил. Мураев тоже задымил, и с перерывами выкурил три сигареты. Наконец он почувствовал обещанный сексапильной брюнеткой сигнал. На запястье завибрировал браслет, и на крохотном табло высветилось – «1 час».

«Так, так, – подумал Илья, – шесть сотен уже мои! Если, конечно, всё это не розыгрыш! – он решил, что останется ещё. – Ничего, можно отсидеть ещё часик...»

Следующий час Илья лежал с открытыми глазами, обдумывая и просчитывая в голове сколько сможет зарабатывать таким образом в месяц, и как и куда будет тратить деньги. Перспективы вдохновляли и обнадеживали его, словно он имел на руках чужую кредитную карту с нацарапанным на ней пин-кодом. По истечении второго часа Илья решил поработать ещё...

Так он высидел шесть часов.

Наконец, когда браслет обозначил на табло цифру «6», Илья решился, нехотя встал и направился к кулисам. Красавица-брюнетка была на своём месте.

– Всё на сегодня? – поинтересовалась она.

– Да. Мне ещё кое-что надо сделать... – вяло ответил Мураев, отметив про себя что девушка за время его отсутствия похорошела вдвое.

– Ваше право. Надеюсь, вы собираетесь с нами сотрудничать и дальше?

– Собираюсь, – решительно ответил Илья, и добавил, слегка обеспокоенно, – Скажите, а это правда не розыгрыш?

– О чём вы? – красотка была неподдельно удивлена, – Мы очень серьёзная организация. Уверю вас, никакого розыгрыша здесь нет.

– Тогда скажите, – красота брюнетки поразительным образом успокоила тревогу Мураева, – сегодня я уже могу получить... эээ... зарплату? Ведь она почасовая?..

– Конечно, – с небывалой теплотой ответила брюнетка, – спускайтесь на второй этаж к расчётно-кассовому аппарату. Воспользуйтесь браслетом, это теперь ваш личный «маркер» и получите деньги и квитанцию.

– И всё? – удивился Мураев.

– Всё. Но мы, – тут она сделалась обворожительной до неприличного, – ожидаем вас и завтра, и в любое другое удобное для вас время. Запомните, – интимно проговорила она, – компания заинтересована в постоянных сотрудниках...

– Я приду! – искренне пообещал Илья.

В коридоре по-прежнему никого не было. Илья с помощью лифта спустился на второй этаж. Увидел в глубине коридора открытый проход в освещённое помещение, прошёл по нему и только тут заметил небольшую очередь, состоящую из пяти человек. Очередь тянулась к устройству, очень напоминающему обыкновенный банкомат.

Тут стояли двое молодых парней, один мужчина в спортивном костюме, яростно контрастирующем с общей обстановкой офиса, и две женщины, лет около тридцати. Женщины явно нервничали, ожидая подвоха, чем заразили и Илью. Однако, не смотря на всю абсурдность ситуации, получение зарплаты проходило в атмосфере спокойствия и неловкой тишины. Люди вели себя так, словно знали, что за ними наблюдают.

«А ведь это может быть на самом деле. Почему и нет?» – подумал Илья и осторожно осмотрелся в поисках видеокамеры. Камер не было, но Мураев подумал, что они вполне могут быть искусно замаскированы.

Наконец все, кто стоял перед Мураевым, получив от устройства всё, чего желали, этаж покинули, и Илья оказался перед экраном контрольно-кассового аппарата один на один. Подробная инструкция объяснила, куда вставлять браслет и откуда получать деньги. Илья проделал всё, как было сказано, ввёл по просьбе аппарата свои данные – имя, фамилию и место проживания, и вот ему, взволнованному и слегка напуганному возможностью обмана, аппарат наконец-то выдал квитанцию, деньги и вернул браслет. Браслет Илья тут же сунул в карман.

Никакого обмана не случилось. Илья получил три тысячи шестьсот рублей, а на квитанции, изумлённый и обрадованный новый сотрудник увидел благодарность. На квитке так и было напечатано: «С благодарностью от руководства одному из лучших новых сотрудников компании «Радость» Илье Мураеву».

– Вот это да! – возликовал Илья, – Вот это работа!

Покинув зеркальное здание, Мураев ощущал себя счастливейшим из людей. Он всё ещё не верил, что ему так легко и просто досталась работа, о которой может мечтать каждый. Сиди себе, ничегошеньки не делай, а деньги капаят, как вода из протекающего крана, только не из кармана, а наоборот, в него!

Шагая по улице, замечтавшийся о дальнейшей своей рабочей судьбе Мураев обнаружил, что солнце катится к высоткам домов тусклой запылённой фарой, что облака приобрели розовый романтический налёт и тлеют, угасая на горизонте, и ему вдруг очень захотелось спать.

– Вот я дурак, – подумал он, – там надо было дрыхнуть. Спи себе, никто ведь не увидит... А деньги всё равно получишь!

Это он и решил осуществить на следующий день. На работу Мураев явился к семи утра. Он нарочно проснулся так рано, чтобы отсидеть больше часов, и заодно выспаться. Всё та же блондинка в холле поприветствовала нового сотрудника, и напомнила, что идти ему следует в зал 301.

– Я помню, – радостно объявил Илья, направляясь к лифту.

В зале его встретила вчерашняя очаровательная брюнетка. На сей раз она была в облегающей мини-юбке и в том же жакете стюардессы поверх белоснежной блузки.

Мураев около минуты пожирал взглядом её ослепительные бёдра, пока она помогала застегнуть на запястье браслет и приоткрывала штору в таинственный мир новой феерической работы.

– Вы можете его вовсе не снимать, – посоветовала она, – Это высоко-технологичный полимер, абсолютно безвредный. Включается только при вашем нахождении на рабочем месте...

– А как же зарплату получать? – обеспокоился новый служащий компании, – Ведь банкомат его заглатывает?..

– Это только в первый раз. Теперь будете просто подносить к сенсору.

– Здорово! – только и ответил он.

Устроившись в кресле, Илья с некоторой тревогой отметил, что сегодня, не смотря на ранний час, народу в зале вдвое больше, чем вчера. Через два от его сидения примостился длинноволосый парень, похожий в профиль на замызганного пуделя. Он то и дело посматривал в сторону Мураева и явно чего-то он него желал.

Илья решил не обращать на незнакомца внимания. Как он надеялся, раннее пробуждение скажется скорым желанием вздремнуть, и работник необыкновенной компании, удобно устроившись в кресле, ждал, когда же глаз его коснётся поволока усталости.

Однако спать не хотелось совсем.

Так он пролежал в кресле два часа. Мысли его текли вяло, и сосредоточится на чём-либо он не мог. Сегодня он вообще не мог думать ни о чём конкретно. Мысли расплывались, как бензиновые круги на воде, и текли прозрачной, меняющей очертания плёнкой по реке времени. В голове его проносились какие-то образы, обрывки фраз, замыслы, но сконцентрироваться на них не получалось. Он чувствовал себя пассажиром метро, едущим в пустом вагоне, и наблюдающим в окно однообразные кишки грязных кабелей, тянувшихся нескончаемо вдоль стен.

К середине третьего часа из-за кулис в зал проникло ещё около десятка новобранцев, и Илья не на шутку испугался, что, если так дело пойдёт и дальше, компания очень скоро наберёт полный штат. Он вдруг подумал, что данный факт может грозить конкуренцией и прочими внутрикорпоративными неприятностями. Однако и эти мысли скоро оставили его.

Он как будто бы задремал с открытыми глазами.

Однако новобранцы всё прибывали, и сразу становилось очевидно, что все они – новички. Их сразу можно было отличить по реакции на небывало удобные кресла и любопытствующим вращениям голов. Впрочем, вскоре они тоже успокаивались и лежали недвижимые, словно древние мумии в саркофагах.

За следующие три часа, о чём неустанно напоминал браслет слабой приятной вибрацией, Мураев выкурил семь сигарет, вставал и прохаживался по полутёмному залу, обнаружил у стены автомат с бесплатными напитками и закусками, идеально чистую уборную и аварийный выход, который, впрочем, оказался запёртым.

Зато в автомате, найденном скучающим работником, имелись; горячий кофе, чай, минералка и газированная вода, а также бутерброды и шоколадные батончики. Они появлялись из его металлической пасти после нажатия на клавишу с соответствующей надписью.

Съев два бутерброда и выпив чашку кофе со сливками, Мураев отметил, что качество продуктов на вполне высоком уровне. Но самым приятным, конечно, было то, что они предлагались сотрудникам бесплатно.

– Серьёзная компания! – не переставал удивляться Илья, – Солидность во всём.

Периодически ему становилось скучно. Он пробовал звонить знакомым, но обнаружил, что телефон в помещении не обслуживается. Исследовал углы помещения, трогал руками стены. На ощупь они напоминали пластик с мелкими пупырышками, как на перчатках для хозяйственных нужд. Мураев аккуратно ходил вдоль рядов, пытаясь невзначай разглядеть коллег, но в темноте это оказалось задачей проблематичной. Тут он заметил странное. Приглядевшись, Илья вдруг осознал, что народу в зале достаточно много, однако никто ни с кем не общается. Все словно сторонились друг друга, лежали на креслах молча и казались со стороны очень задумчивыми. Тогда Мураев вернулся на своё место и попытался заговорить с соседом, который давно притих и уже не смотрел в его сторону.

– Парень, – спросил он, – ты как на эту контору вышел?

Похожий на пуделя испуганно повернулся в его сторону, сделал круглые глаза и указал пальцем в потолок. Илья посмотрел вверх и увидел прямо над собой надпись, всплывшую посреди тусклых ламп, как небесное откровение. Он заинтригованно прочитал:

«Сотрудники компании «Радость» не имеют права общаться друг с другом во время рабочего дня! Сотрудники компании обязаны заниматься своими непосредственными обязанностями – РАБОТОЙ!»

Надпись, как только Илья прочитал её, исчезла.

– Ну и чёрт бы с ним, – подумал Мураев, – тоже мне работа...

Посмотрев на браслет, он обнаружил, что отработал уже шесть часов. Это обстоятельство сразу заглушило лёгкое чувство обиды на таинственного работодателя за столь странный запрет. Ему уже накапало столько же, сколько вчера. И за что? За просто так! Тут его охватило чувство восторга и блаженства!

«Вот оно! Вот! То, о чем я мечтал! – внутренне радовался он, – Да и на кой мне с ними общаться? Что я от этого, умру, что ли? Да пошли они все...»

Ещё с утра решивший отработать сегодня никак не меньше десяти часов, он расслабился в удобном кресле и остаток времени провёл бодрствуя, но в каком-то странном состоянии психического и морального умиротворения и покоя. Как ни пытался он уснуть, ничего у него не выходило. Он закрывал глаза, но спустя минуту вновь открывал их. И главной причиной этому был страх. Ему так и казалось, что что-то тёмное и зловещее подкрадывается к нему в темноте, что к горлу тянутся щупальца чудовищного уродливого монстра, что другие сотрудники на самом деле оборотни, только и ждущие момента, когда он уснёт. Однако, как только Илья встревоженно распахивал очи, кошмар исчезал, и ему становилось неловко и стыдно за такие мысли...

По истечении десяти часов работы Илья повторил процедуру снятия зарплаты, и только выйдя на улицу, понял, как сильно хочет спать. Усталость буквально валила его с ног. Он поехал домой, наскоро съел куриный суп, разогрев его в микроволновке, добрёл до дивана и тут же уснул, не успев потратить и копейки заработанных денег. Изначально Мураев планировал побывать в ночной дискотеке, познакомиться с девушкой и расслабиться. Но это ему не удалось.

На следующее утро Илья встал рано. Первой его мыслью было ничего сегодня не делать и никуда не ходить. Но, полежав, глаза на потолок, и поразмыслив о баснословной зарплате и об опасности, таящейся во вновь прибывающих конкурентах, он решил на работу всё-таки пойти.

Сегодня зал был полон больше чем наполовину. Народу было столько, что Илья не на шутку испугался, что может легко место своё потерять.

– Главное – ходить каждый день, – решил он, – тогда они подумают, что работой я дорожу, и не выкинут! Я их политику понял. Главное, продержаться первое время...

В этот день Мураев отсидел в рабочем кресле с семи утра до десяти вечера. Он опять так и не смог уснуть. Три раза он питался из бесплатного автомата, семь раз посещал туалет, но ни разу ни с кем не заговорил. Зато в конце рабочего дня заслуженно получил из чудесного контрольно-кассового аппарата девять тысяч. Радости его не было предела. До дома Илья еле добрался, усталость валила с ног, и он чуть не уснул на остановке, пока ждал автобус...

На протяжении следующего месяца жизнь его превратилась в рутину.

Он вставал очень рано, и, боясь опоздать на работу, мчался в зеркальное здание, где его встречали неизменными улыбками прекрасные работницы.

Пару раз Илья оставался на рабочем месте до глубокой ночи. Деньги текли в его карманы рекой, но тратить их не получалось. Однако отказаться от столь прибыльного занятия бездельем он не мог, тем более за это время работников в компании «Радость» стало немыслимо много.

Так много, что даже утром очередь к проходной выстраивалась подобно той, что бывают при открытии крупных супермаркетов, когда тысячи зевак мечтают получить бесплатно какой-нибудь ценный презент.

Зал 301 теперь был наполнен до отказа, но место Ильи всегда оказывалось свободным, и он откровенно гордился этим, понимая, что руководство ценит его.

Илья работал даже по выходным. Но самое удивительное было в том, что ни разу ему не удалось уснуть на рабочем месте.

Однажды он, придя на работу, расположился в своём кресле и тайком выпил три таблетки снотворного, но и это не помогло. Сон не приходил. Правда, после этого вечером, возвращаясь домой, Илья уснул прямо в автобусе. На конечной остановке его выволок из салона водитель, и страшно наорал. Илье, полусонному и разбитому, пришлось вызывать такси.

Иногда утром, в очереди на работу, Илья замечал знакомых. Многие из них раньше где-то работали. Кто продавцом в магазине, кто менеджером в мелкой фирме, кто агентом в туристическом бюро, но им, вероятно, тоже выпало счастье наткнуться на волшебное объявление, и, конечно же, они этим финтом удачи воспользовались.

От знакомых Мураев прятался за спинами других людей, боясь расспросов, но, к удивлению, часто сам замечал, что, увидев его, они тоже не проявляли желания подойти и поговорить.

Вне работы Илья чувствовал себя измождённым и усталым. Ему всё время хотелось спать, и это желание перебивало все остальные, но зато когда он лежал в своём удобном служебном кресле, проблема отходила на задний план.

На работе ему было хорошо и комфортно. Его ничто не тревожило, не беспокоило, он научился лежать и часами не думать ни о чём конкретном. Хотя где-то подсознательно он знал, что в любой момент может встать и уйти, получить свою зарплату и прибавить к скопленным деньгам новую внушительную дозу. Но делать этого не собирался. Зачем терять такую работу?

– Вот накоплю денег, – думал он, – там и посмотрим...

Страх его был только в одном: он боялся потерять своё место. Чем дольше он работал, тем чаще замечал, что в городе происходят конкретные, глобальные перемены. Людей на улице становилось всё меньше, мелкие магазинчики закрывались, автобусы ходили всё реже, и люди, когда-то работавшие там за копейки, переквалифицировались в сотрудники его компании.

– Если меня вышибут, – паниковал Мураев, – куда я денусь? Пойду на их место торговать сосисками? Или в офисе сидеть с болванами всякими? Ну, нет! Не дождётесь!..

В один момент, буквально в считанные дни, в городе появились ещё несколько зданий, в точности копирующих главный офис его компании. Их построили так быстро, что можно было подумать, будто они выросли из волшебных семян, вложенных в землю таинственным магом.

Илья как-то спросил блондинку на ресепшен: что это значит? И она ответила, что компания, благодаря таким сотрудникам, как он, растёт и процветает. А потом она вдруг добавила, что Илья, по распоряжению главного специалиста по кадрам, повышается в должности, и теперь ему следует направляться на четвёртый этаж, в зал 401, где и будет его новое рабочее кресло. Мало того: зарплата его увеличивается вдвое! Она тут же достала у себя из стола бумагу, на которой изумлённый Мураев прочёл приказ о его повышении.

– А значит ли это, – насторожился Илья, – что мне придётся теперь что-нибудь делать?

– Конечно же, нет, – улыбаясь, ответила блондинка.

В этот день Илья увидел новый офис. Он отличался тем, что кресла в нём были защищены друг от друга высокими пластиковыми панелями, и у каждого кресла стоял свой собственный миниатюрный бесплатный автомат.

Мураев был счастлив. Он чувствовал себя маленькой частичкой чего-то огромного и могущественного. Ему казалось, что сама судьба взяла его на руки и ведёт теперь правильной, верной дорогой к счастью. Он неизменно ходил на работу с утра, погружался в кресло, и, не думая ни о чём, пил кофе с бутербродами. Иногда он оставался на работе по несколько дней, и даже научился спать, не погружаясь при этом в привычное состояние сна. Его сознание как бы отключалось. Ему чудилось, что он плывёт в тёплом ласковом океане, покачиваясь на нежных убаюкивающих волнах под слепящим удивительным солнцем. Или казалось ему, будто он красивая птица, парящая свободно в струях ветра над горами и озерами. Тёплая нега разливалась в нём, и никаких желаний больше не существовало. Он познал великую радость бытия. Он чувствовал, что он уникальный, единственный на свете человек, добившийся в жизни всего, о чём только можно мечтать....

Браслет на его запястье часто-часто пульсировал голубым огнём, и цифры мелькали на нём, как счётчик этажей в лифте, сорвавшемся с верхнего этажа бесконечного небоскрёба.

Мошенники или Три сумасшедших дня из жизни одного инвестора

К девяти часам утра ведущий специалист отдела кредитования венчурных проектов Альфред Каземирович Штейн явился на работу. Пройдя мимо секретаря Элочки так, словно за столом её и не было, Альфред открыл дверь кабинета, прошёл к рабочему столу и занял своё место.

Нажав кнопку селектора, Штейн, откашлявшись, произнёс:

- Элочка, доброе утро. Кто у нас сегодня?
- Сегодня четверг, Альфред Каземирович. Изобретатели.
- Сколько их там?
- Пока семеро, – ответила секретарь.
- Ну что ж, приемлемо. Приглашайте, Элочка. И кофе мне, пожалуйста, принесите.
- Я вас поняла, – ласковым голосом ответила секретарь.

Штейн поправил очки и уставился на дверь, в которую минуту спустя ворвался взъерошенный человек в коричневом пиджаке, из кармана которого торчал помятый галстук. Человек нервно закрыл дверь и прошествовал к столу Альфреда.

– Магнус Орли, – представился тип.

– Альфред Каземирович. Присаживайтесь. Что у вас?

– Я начну сразу с изложения моей идеи! – взволнованно выдал Орли, и принялся рыться в карманах. Первое что он нашёл, был как раз галстук, который он принялся тут же надевать. Надевать его он вздумал не развязывая, а пытаясь пролезть головой в сделанную когда-то давно, петлю. Но у него никак не получалось. Голова изобретателя оказалась на удивление большой.

Штейн, видя, что данная процедура может занять время длительное, предупредительно кашлянул в кулак. Опомнившийся Магнус Орли замер, посмотрел на работника инвестиционной компании и поспешно спрятал галстук в карман брюк, из которого, к своему изумлению, извлёк смятые листы.

– Вот! Вот они где! – обрадовался он, встряхнув листами воздух, – Итак, я начну. Дело в том, что я разработал уникальную технологию создания человека!

– Вот как? – Штейн заинтересованно поправил очки.

– Да! Именно! Вы же, должно быть, знаете, что до настоящего времени попытки создать человека искусственно, все до единой, провалились? Так вот: я понял, почему! Дело в том, что производить человека надо, так сказать, досконально. То есть, в точности копируя каждую деталь его организма!

– А, простите, из чего вы собираетесь производить людей? – перебил горячую речь изобретателя Альфред.

– Да из чего угодно. Главное, чтобы материал по своим физико-химическим свойствам соответствовал тканям человеческого организма. Например, это может быть стекловолокно, или модифицированный пластик. Кстати, для этого также потребуется отдельная статья расходов. Я планирую построить отдельную лабораторию по созданию материалов...

– Простите, – опять перебил Альфред, – вы так и не назвали требуемую вам сумму.

– Минутку, – умоляюще сложил ладони посетитель, – я хочу, чтобы вы во всех деталях поняли, с каким грандиозным проектом имеете дело! Так вот, используя новейшие технологии, я планирую воссоздать всё до малейших деталей! Каждый лейкоцит, каждую артерию, каждый нерв! И из всего этого, словно из деталей конструктора, собрать человека! – глаза изобретателя

блеснули предчувствием великого, – Естественно, это потребует колоссальных затрат, но ведь и результат будет ошеломляющим! Живой человек, созданный человеком!

– А почему вы так уверены, что ваш человек будет, так сказать, живым? Ведь, как известно, тайна жизни не открыта до сих пор никем. Как же так называемая душа?

– Душа? Это всё глупости, – отмахнулся посетитель, – Я объясню вам! Представьте себе, что у вас есть подробная схема сборки автомобиля и все детали к ней. Имея это, вы совершенно спокойно соберёте автомобиль, и он поедет. Естественно, после того, как получит топливо, а искра зажигания запустит мотор. Так же я поступлю и с искусственным человеком. Разве вы не знаете, что человек – это та же самая машина, работающая на токе высокой частоты? Следовательно, после сборки стоит лишь пропустить через височную область, а также область сердца, требуемый ток – и он оживёт! Элементарная реанимация.

– Ээээ...

– Это так! – горячо заявил Магнус.

– Ну, а сознание?

– Сознание копируется с типовой матрицы подобно компьютерной программе.

– Ну, допустим. А чем будет питаться ваш человек? Ведь мы... эээ... естественные люди, питаемся естественной пищей. А ваш, из стекловолокна?

– Пусть питается, чем угодно! – отмахнулся изобретатель.

– Хорошо, предположим, это так. И вы действительно соберёте человека. Вопрос: зачем? Что дальше? И самое главное: как вы собираетесь получать прибыль?

– Прибыль? – Тут Магнус на секунду застыл в недоумении, но уже через мгновение опомнился, – Ну, конечно! Прибыль будет приносить сам созданный мной человек в благодарность за то, что я его создал!

– Неубедительно...

– Я создам сотню таких людей! – угрожающе предостерёг Орли, – Тысячи, да хоть миллионы. Я могу создать совершенную армию таких людей из титанового сплава, и мы завоюем, к примеру, Бруней. Уверю вас, капитала этого небольшого государства с лихвой хватит на покрытие расходов!

– Вы предлагаете нашей компании инвестировать международный конфликт?

– Это только пример! Я могу создать искусственных людей, не потребляющих кислород, и выслать их на Марс. Пусть добывают там алмазы.

– На Марсе есть алмазы?

– Безусловно!

– Откуда такая осведомлённость?

– Да что вы, в самом деле? Вы дадите мне деньги?!

– Кстати о деньгах. Сколько вам нужно для создания, скажем, одного искусственного человека? Пробного, так сказать, экземпляра.

Магнус закатил глаза к потолку. Губы его зашевелились в еле слышимом бормотании. Вероятно, он считал затраты.

– Тридцать восемь миллиардов евро! – заявил он наконец, придав голосу деловой тон.

– Уважаемый, вы отдаёте себе отчёт, куда пришли? Это частная инвестиционная компания, и мы попросту не располагаем такими средствами.

– Хорошо, – тут же поправился проситель, – дайте хоть миллион, на предварительные расходы.

– Сожалею. Но ваш проект, во-первых, представляется мне неосуществимым, во-вторых, абсолютно нерентабельным.

– Вы это серьёзно?

– Абсолютно серьёзно.

– Но вы совершаете ошибку!

– Не думаю, – Альфред был твёрд.
– Тогда дайте хоть двадцать пять тысяч! – потребовал Орли.
– На какие нужды?
– Автомобиль! Мне необходим автомобиль! Я к вам, между прочим, добирался на трам-
вае, и меня чуть не оштрафовали! Хамьё!
– До свидания, господин Орли.
– Ссуды не будет?
– Нет.
– Ладно! Чёрт с вами! Дайте десять тысяч, и я уйду!
– Элочка, приглашайте следующего, – уже не глядя на изобретателя, проговорил Штейн
в селектор.

Магнус Орли гордо поднялся со стула, направился к двери, и, открыв её, заявил на про-
щанье:

– Вы ещё услышите обо мне! Все газеты будут писать! А знаете, что, когда я создам
армию, вы будете первым, кого мы вздернём на фонарном столбе! – с этими словами Орли
удалился, с силой хлопнув дверью.

Секунду спустя в дверь слабо постучали.

– Войдите, – пригласил Альфред Каземирович.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл маленький толстый человечек с вспотевшей лыси-
ной, и кепкой, которую он держал обеими руками на уровне груди. Казалось, человечек чем-
то очень напуган. Больше всего он походил на бурундучка, застигнутого злобной хозяйкой,
когда забрался в дом красть печенье. Кепка символизировала то самое печенье. Вид человечка
вызвал у Штейна лёгкую улыбку.

– Можно? – робко спросил вошедший, и виновато посмотрел на ведущего специалиста.

– Проходите. Что у вас?

– Я изобретатель, – пояснил он.

– Понимаю, – Альфред внимательно посмотрел на человечка поверх очков.

– Точнее, я изобретатель-фармацевт, – поправился тот.

– Интересно.

– Меня зовут Валентин Эсмеральдов, – обладатель романтического имени прошёл и
робко присел перед Штейном, – я хотел бы просить вас дать мне ссуду, чтобы наладить мас-
совое производство моего изобретения.

– Понимаю. Потрудитесь объяснить, в чём его суть?

– Дело в том, что я по натуре очень робкий человек. Я бы даже сказал, трусливый. Ещё
с самого детства...

– Простите, – перебил Альфред, – это относится к делу?

– Самым непосредственным образом, – заверил Валентин, и, кажется, вспотел ещё
больше, – С самого детства я терпел от окружающих издёвки и пинки. Все смеялись надо мной
и всячески унижали. Даже теперь ежедневно я сталкиваюсь с людской жестокостью. Вот совсем
недавно был такой случай. Мой непосредственный начальник вызвал меня к себе...

– Я прошу вас ближе к делу. У меня слишком мало времени! – жёстко остановил Альфред
толстячка.

– Простите, – горестно вздохнул Эсмеральдов, – Так вот, я изобрёл пилюлю против
страха.

– Пилюлю против страха? Как интересно. И что же?

– Я хотел бы помочь таким же, как я, людям, – тонким восторженным голосом пропел
толстяк, – и для этого мне необходим начальный капитал, чтобы запустить пилюлю в произ-
водство.

– Совершенно согласен. Деньги для этого необходимы. Но как мы можем узнать, действительно ли ваша пилюля работает? Что, если это не так, и спроса на неё не будет? Что, если ваша пилюля не пройдет фармацевтических тестов, и учёная коллегия сочтёт её действие наркотическим? Если вообще это действие имеет место быть!

– Нет! Что вы! – испугался толстяк, – Я с детства боюсь наркоманов и наркотиков. Наркоманы очень жестокие, злобные люди. Вот однажды мне...

– Погодите, – прервал его откровения Штейн, – вы проводили эксперименты? У вас есть заключения фокус-группы? Таблица ингредиентов и составляющих?

– У меня с собой есть сама пилюля! Вот она, – Эсмеральдов полез в карман, вытащил обыкновенный спичечный коробок и извлёк из него пилюлю.

– А вы знаете, ваша пилюля очень похожа на мятную конфету, освежающую дыхание.

– Правда? – изобретатель трусливо покосился на Штейна.

– В точности такая же.

– Наверное, так получилось случайно, – оправдался изобретатель, – и потом: форма пилюли не имеет значения...

– Поймите меня правильно: то, что вы принесли с собой свою «пилюлю», ещё ничего не доказывает. У вас есть документальные подтверждения?

– Именно для этого я её и принёс. Сейчас я лично вам наглядно покажу её действие!

С этими словами Эсмеральдов запрокинул голову вверх, открыл рот и демонстративно кинул в него пилюлю. Совершив глотательное движение, он замер и зажмурился. Более ничего не происходило. Валентин Эсмеральдов застыл, словно статуя. Казалось, он даже перестал дышать. Так прошла минута.

– Уважаемый, – окликнул его Альфред Каземирович, – вы меня слышите?

– Да, да, – толстяк возвратил голову на место и посмотрел на ведущего специалиста, – вот, уже действует, – торжествующе изрёк он.

И впрямь что-то в нём переменялось. Куда-то подевалась робость голоса, трусливый взгляд. Плечи его распрямились, и вообще он стал выглядеть как-то нагло.

– Так вот, мне нужно как минимум два миллиона долларов, и причём немедленно! И ты давай там как-то шевелись. Выписывай бумажки свои – сказал он грубым тоном.

– Вы в себе? – настороженно Альфред всматривался в посетителя, который менялся прямо на глазах.

– Нет, в тебе, – хамски пошутил в ответ Эсмеральдов и заржал на манер работника шиномонтажа, услышавшего пошлый анекдот, – Мне деньги нужны уже сегодня! Так что давай, конторская крыса, пиши «одобряю» – и все дела!

– Прекратите хамить!

– Слушай, ты! – брови толстяка угрожающе сдвинулись к переносице, – Тебя сюда зачем посадили? Видишь, гений перед тобой? Разуй глаза-то, козлиная морда!

– Вон! Вон отсюда! – возмущению Штейна не было предела.

– Я ведь могу и в лоб закатать! – предупредил толстяк.

– Вы хам и мошенник!

– Из говна тебе ошейник, – парировал нахал.

– Пошёл отсюда прочь! Нет, каков актер а? – изумился Штейн, – Целый спектакль передо мной разыграл!

– Да ты что, тупой, что ли? Это пилюля действует! Страх-то исчез! Значит, работает. Вот и валяй, пиши там в своих бумажках, что, мол, одобряю и прошу выдать ссуду.

– Вон из кабинета! Не получите ни копейки!

– Падла! – выругался проситель, поняв, что денег ему не дадут.

– Я сейчас же вызываю наряд! – пригрозил Альфред, схватив телефонную трубку.

Эсмеральдов поднялся со стула, злобно осмотрелся и сплюнул прямо на пол не разжёванную до конца пилюлю, которая с пластмассовым щелчком отскочила от линолеума в угол.

– Увидимся ещё на тёмной дорожке... – прошипел он, уходя.

Следующим в кабинет Штейна вошёл интеллигентного вида молодой человек. Одет он был в чёрный костюм, чёрную водолазку и чёрные же строгие туфли. В руках молодой человек держал объёмистый свёрток.

– Добрый день, – поздоровался он, и прошёл.

– Здравствуйте. Вы с чем?

– Я изобрёл телепорт! – гордо заявил посетитель.

– Телепорт? Как интересно. Что это? И представьтесь, пожалуйста.

– Пожалуйста. Меня зовут Отто Рудольфи, тридцать восемь лет, не женат.

– Что ж так?

– Считаю женитьбу делом, губительным для учёного.

– А что у вас с собой?

– Собственно, это телепорт и есть. Точнее, его прототип. Экспериментальная модель. Вам вообще известно, что такое телепортация?

– Телепортация? – Альфред задумался, – По-моему, что-то из области научной фантастики. Что-то связанное с перемещением объектов. Не так ли?

– Совершенно верно! Перемещение объектов на любые расстояния путём расщепления их на атомы. Перспективы, как вы понимаете, огромные. Полная революция на топливном рынке. Никакого загрязнения окружающей среды. Никаких автомобилей и бензиновых двигателей! Мало того: перемещаться можно по всей Вселенной, достичь любых планет и звёзд! И к тому же это ещё и колоссальные доходы владельцам технологии, то есть нам с вами.

– Нам с вами?

– Ну, конечно! Я же собираюсь взять вас в долю, – тут Рудольфи дружественно подмигнул, – если, конечно, вы одобрите мою заявку на ссуду.

Штейн задумался, недоверчиво посматривая на Отто.

– И что же, вы действительно создали телепортатор?

– Именно!

– И он работает?

– Ещё как! – заверил Отто.

– Можете продемонстрировать?

– Для этого я и принёс с собой модель-прототип.

– Очень интересно.

Молодой изобретатель развернул свёрток и извлёк из него два чёрных ящика, соединённых электрошнуром. На одном из ящиков Альфред увидел небольшой рычажок сбоку.

– Дайте, пожалуйста, ваши часы, – попросил Рудольфи располагающим к доверию голосом.

– Зачем? – удивился Штейн.

– Сейчас на ваших глазах они совершат путешествие в виде субатомных частиц из этого ящичка в этот, – Рудольфи последовательно указал сначала на ящик с рычажком, затем на второй.

– Ну, что ж, – согласился заинтригованный Альфред Каземирович, и снял с руки дорогие часы.

Молодой человек открыл первый ящик и аккуратно положил в него часы Штейна. Закрыв крышку, он ловким движением повернул рычажок сбоку, и Штейн услышал какой-то механический тихий щелчок внутри загадочного устройства.

– Готово, – произнёс изобретатель, – Ваши часы сейчас находятся здесь, – он показал на второй ящик, который находился на расстоянии никак не менее метра от первого, – Только что

ваши часы были расщеплены на атомы и перемещены по этому проводу во второй телепорт, а в нём вновь собраны.

– Фантастика! Можно открыть?

– Конечно!

Штейн бережно открыл второй ящик, и увидел, что тот совершенно пуст.

– Их тут нет, – сказал он.

– Не может быть! – воскликнул молодой человек.

– Говорю вам: нет часов!

Молодой человек заглянул в ящик, и взгляд его выразил крайнее изумление.

– Наверное, какой-то сбой. Всё-таки модель экспериментальная.

– Дайте-ка я посмотрю сам, – Альфред открыл первый ящик, и к изумлению увидел, что часов нет и там, – Вот так дела! Где же часы? – он вопросительно уставился на Отто Рудольфи.

– Я понял! – воскликнул тот, – Они застряли здесь, – и он указал на шнур.

– Как это может быть?

– Очень просто, – пояснил изобретатель телепортатора, – Разложившись на субатомные частицы, часы потекли по телепроводу, но до конечного пункта не дошли. Возможно, на это повлиял электрический сбой.

– Электрический?

– Да. Телепорт работает от пальчиковой батарейки.

– Что же делать?

Молодой человек на секунду задумался.

– Я знаю, что! Мы их протолкнём! Посмотрите, есть ли у вас ещё что-нибудь?

Штейн порылся в карманах и вытащил зажигалку и бумажник.

– Вот, – протянул он зажигалку.

– Нет, давайте лучше бумажник. Зажигалка, так же как и часы, состоит из металла, и есть вероятность, что их молекулы перемешаются. Выйдет в итоге чёрти что! Лучше не рисковать.

– Да? – недоверчиво покосился на телепровод Штейн.

– Конечно. Другое дело бумажник. Он ведь из кожи? Из кожи, как я вижу, – молодой человек ловко выхватил из рук Штейна бумажник, и, пока Альфред не успел опомниться, поместил его в первый ящик.

– Но! Но там ведь ещё и деньги!

– Тем лучше. У денег хорошая атомарная проводимость! – заверил его Отто, и щёлкнул рычажком.

И снова Штейн услышал тихий щелчок внутри первого ящика, второй же оставался бесшумным. Странная тревога наполнила сердце ведущего специалиста.

– Ну? – занервничал Альфред, – а теперь?

– Уверен, всё получилось!

Штейн тревожно распахнул второй ящик. Тот был пуст.

– Пусто!

– Как? Опять? Невероятно! Должно быть, батарейка совсем села.

– А ну-ка откройте первый ящик, – потребовал Альберт Каземирович, чувствуя какой-то чудовищный подвох.

– Пожалуйста, – с видом полного недоумения Отто открыл ящик, и тот также оказался пустым.

– Что за фокусы? – закричал Альфред, – Вы меня дурачите!

– И в мыслях не было, – Рудольфи выражал самую невинность, – Вот как мы поступим. Я сейчас пойду в магазин и сменю батарею. Вам же, для гарантии, чтобы вы не волновались, будто это какой-то обман, я оставляю часть телепорта. Только, умоляю, аккуратнее с ним! – с

этими словами Рудольфи отсоединил первый ящик от шнура, и, взяв его под мышку, двинулся к двери.

– Стой, подлец! – крикнул Альфред.

– Какой вы нервный всё же? Говорю вам – пять минут! Прямо удивительно, как вас назначили на такую должность?

– Стоять, говорю! Фокусник!

– Да что вы беспокоитесь, ваши часы и бумажник в телепроводе у вас на столе, а я вернусь через пять минут, – и с этими словами молодой человек скрылся за дверью.

Спустя десять минут ожиданий Альфред Каземирович нажал кнопку селектора.

– Этот последний не появлялся?

– Который? – растерянно ответила Эллочка.

– Тот, что был у меня последним. С ящиком.

– Ах, этот. Так ведь он уехал.

– Как уехал?

– На мотоцикле. Я сама видела в окно. Вышел от нас и уехал. А ящик его стоит у нас на крыльце.

– Как? Как на крыльце?

– Да. Именно на крыльце. Он недолго поковырялся в нём и оставил на крыльце. Я ещё подумала: вдруг он нам бомбу подложил? Вышла проверить. Оказалось, нет. Пустой ящик с двойным, наверное, дном. Знаете, похожие в магазинах для начинающих иллюзионистов продаются. А что?

– Ничего.

– Следующего запускать?

Альфред Каземирович молчал. Ему было крайне жалко часов и бумажника.

– Так запускать, или нет? – повторила секретарь.

– Запускайте, – обречённо ответил он наконец, – и где мой кофе! Сколько я могу ждать!

– Ой, простите, Альфред Каземирович. Сейчас несу.

Следующим в кабинет Штейна вошёл средних лет мужчина в старом заношенном свитере. Он, буркнув в густые рыжие усы какое-то невнятное приветствие, прошёл к столу и сел напротив Альфреда Каземировича.

– Вот, – и посетитель выложил на стол предмет размером с сигаретную пачку, на корпусе которого посередине мигал красным светом диод.

– Что это?

– Антиснейк.

– Что, простите?

– Антиснейк. Прибор, отпугивающий змей.

– Змей? Но здесь нет змей.

– В том-то и дело.

– Простите, не понимаю?

– Как же они тут будут, если до смерти его боятся, – посетитель кивнул на прибор.

– Вы, простите?...

– Афанасий я, Милославский.

– Изобретатель, надо полагать?

Афанасий шевельнул усами в знак согласия.

– Так. И что бы вы хотели?

– Ссуду хотел бы, – буркнул Милославский.

– Намерены выпускать прибор серийно?

– Зачем? Этак, если его серийно выпускать, где ж им жить-то тогда?

– Кому?

- Змеям, кому ж ещё?
- А зачем вы мне это принесли? – удивился Штейн.
- А я всегда с ним. Я змей боюсь, – испуганно пояснили усы.
- Так, так. Ясно. А ссуда вам зачем?
- Хочу построить пирамиду.
- Пирамиду? – изумился Штейн.
- Да. Пирамиду из свинцовых плит!
- Для чего?
- Есть у меня одна задумка... – загадочно протянул Афанасий, косясь куда-то в сторону.
- Вы поймите, для того чтобы мы выдали вам ссуду, нам надо знать, на что она будет потрачена. Исходя из этой информации мы и решаем, можем ли мы рассчитывать на её возврат. Тем более что вернуть её вам придётся с процентами. Вы это понимаете?
- Само собой. Учтено.
- Ну-с, так зачем вам пирамида?
- Эксперимент поставлю.
- Какой же?
- Знамо дело, научный. Соберу в пирамиду змей. Запру их и прибор включу!
- Зачем?
- Так узнать, что они, заразы, делать будут? – глаза Афанасия загорелись дьявольским огнём.
- Эллочка, следующего приглашай, – проговорил Альфред Каземирович в селектор.
- Так что, дадите, стало быть? – оживился заёмщик.
- Ни в коем случае.
- А если прибор отключу? – пригрозил Милославский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.